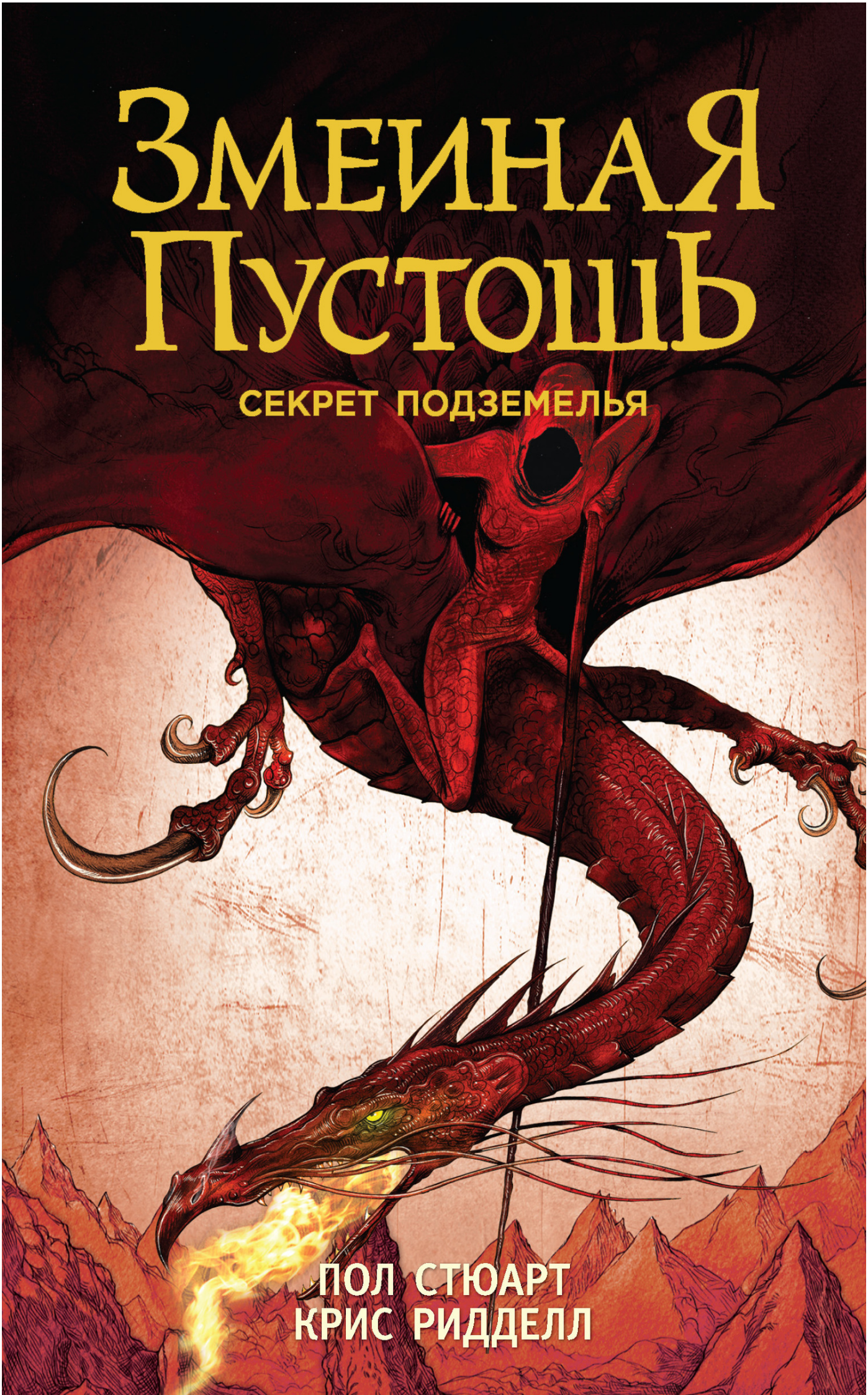
Змеиная Пустошь

Секрет подземелья



Пол Стюарт
Крис Ридделл

Крис Ридделл

Змеиная пустошь. Секрет подземелья

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-34-053.2
ББК 84(4Вел)-44

Ридделл К.

Змеиная пустошь. Секрет подземелья / К. Ридделл — «Издательство АСТ», 2012 — (Змеиная пустошь)

ISBN 978-5-17-122159-1

Лютая зима – не лучшее время, чтобы выйти на улицу. Даже змеи умирают, замерзая в ледяной пустоши, или обессиленно падают с небес, когда хозяин направляется на запад, чтобы спастись… Мика вынужден прятаться, и Фракия вместе с ним – хотя в душе она грезит небом и свободой. Но жуткий холод – не единственная причина для укрытия: кое-кто вынюхивает их местонахождение. Жестокий убийца, питающийся «кровавым медом» и ищущий мести…

УДК 821.111-34-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-122159-1

© Ридделл К., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 9
Глава третья 13
Глава четвёртая 16
Глава пятая 18
Глава шестая 23
Глава седьмая 24
Глава восьмая 26
Глава девятая 28
Глава десятая 30
Глава одиннадцатая 33
Глава двенадцатая 35
Глава тринадцатая 37
Глава четырнадцатая 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Пол Стюарт, Крис Ридделл
Змеиная пустошь. Секрет подземелья

Paul Stewart
Chris Riddell
Wyrmeweald: Bloodhoney

© Paul Stewart and Chris Riddell, 2012
© Л. Смилевская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Ники и Ричарду
П. С.

Посвящается Джо
К. Р.

Змееловы – те, кто охотится на змеев.

Змееродыы – те, кто связывает себя прочными узами со змеями.

Кельды – те, кто скрывается под землёй.

Глава первая

С дальней стороны хребта доносился глухой стук тяжёлых шагов – *топ, топ*. Заслышав их, два шустрозмея, суетливо сновавших туда-сюда, замерли. Свежевыпавший снег скрипел и хрустел под шагами. Они не стихали.

Они приближались…

Шустрозмеи поднялись на задние лапы, озираясь по сторонам; волнистые гребни на их спинах трепетали. Земля под ногами дрожала. Змеи переглянулись, и уже через мгновение с короткими лающими криками устремились к покрытой коркой снега скале и скрылись в расщелине.

Топот стал громче; казалось, даже ветер подстраивал свои завывания под его неумолимый ритм.

Когда ветер успокоился, шелест падающего снега резко стих. Наверху жёлто-серые тучи расползались, рассеивались, и сквозь них проглядывало бледное солнце. Бриллиантовыми искрами оно заиграло на редеющих снежинках, отбросило на сугробы длинные тени, но не согрело.

Из-за заснеженного хребта показалась голова в нахлобученном капюшоне, скрывавшем лицо; затем появились широкие плечи, на которых висел огромный рюкзак. При ходьбе полы белого плаща из кожи озёрного змея со скрипом распахивались и обнажали мощные, как стволы деревьев, ноги в тяжёлых высоких тупоносых ботинках, зашнурованных почти до коленей.

Тот, кто призывает зиму, остановившись на вершине хребта, внимательно осматривал скалистый снежный пейзаж. Рука в перчатке вынырнула из складок плаща, отбросила капюшон, и холодный солнечный свет осветил скрывавшую лицо костяную маску, заблестел на пожелтевших скулах и глазницах, отражаясь в пронзительных чёрных глазах, глядевших из прорезей.

С резким фырканьем нескладная фигура вытащила из заднего кармана кусок тряпки, с неожиданной осторожностью поднесла его к маске и, закрыв глаза, глубоко вдохнула.

Различить запах теперь было сложнее. Но он всё ещё чувствовался. Явственная смесь змеемасла и смолистого дыма с кисловатым привкусом страха и отвращения. Это был уникальный запах, ни с чем не сравнимый; он неминуемо должен был привести к цели.

– Найди их. Вымани их из убежища. Убей их… медленно.

Слова повелительницы кельдов эхом звучали в его голове. С тех пор, как он покинул подземную пещеру, где услышал эти слова, они гнали его через зимнюю пустошь и вели по следу убийц.

Тот, кто призывает зиму, отнял руки от лица, потянул носом воздух и снова фыркнул. Из костяных ноздрей клубами вырвался пар.

Он пошарил рукой в другом кармане, достал немного вяленого мяса, отправил в рот через прорезь в маске и стал машинально пережевывать. Вдруг на зубах что-то хрустнуло. Нащупав языком в мясной кашице какой-то твёрдый предмет, он выплюнул его.

Это был молочный зуб, ровный и жемчужно-белый. Всего мгновение он пролежал на поверхности, но быстро скрылся под пеленой свежего снега.

Тот, кто призывает зиму, натянул на голову капюшон и устремился вперёд. В воздухе снова задрожали гулкие барабанные удары его тяжёлых шагов.

Он увидел их, поднявшись на вершину следующего хребта. Он не остановился и не сбавил шаг. Их было двое, один повыше ростом, другой пониже. Коричневые силуэты отчётливо вырисовывались на фоне снежной белизны. Они стояли возле покосившегося навеса со сломанными подпорками. Тут и они заметили его.

Тот, что был ниже, помахал.

Это не его цель, он знал точно. От них исходил запах влажной оленьей кожи и чего-то металлического. А когда коротышка замахал руками ещё энергичнее, тот, кто призывает зиму, уловил в доносившемся запахе легкий нюанс пахты. Запах змеелова.

Мужчина и девочка…

Они направились к нему. Девочка шла впереди, быстро пробираясь по сугробам и удерживая свой посох над головой. Мужчина едва поспевал за ней, покрикивая, чтоб она была осторожнее и проверяла посохом, нет ли под снегом трещин и расщелин, – хотя сам не следовал своему совету. Оба они широко улыбались, их измождённые лица раскраснелись.

Они приближались, щебетание их возбуждённых голосов становилось всё настойчивее. Добравшись до того, кто призывает зиму, мужчина протянул ему руку.

– Приветствую вас, незнакомец, – сказал он. – Вы не представляете, как я рад нашей встрече.

Тот, кто призывает зиму, уставился на мужчину из-под нависшего капюшона. Он заметил неухоженную бороду, сломанный арбалет, висевший на плече, искру, притаившуюся в глубине глаз. Тот, кто призывает зиму, не проронил ни слова в ответ, даже не пошевелился, чтобы пожать протянутую руку.

Мужчина смущённо отстранился и стряхнул снежинки с бороды.

– Как я уже сказал, я… Какая же удача, что наши с вами пути пересеклись, – настаивал он, но голос звучал как-то неуверенно.

– Мы отстали от каравана, – вмешалась девочка. – Мы с папой. У меня так разболелся живот от того плохого мяса…

– Снег валил не переставая, – продолжил мужчина и покачал головой. – А зимняя стоянка там, за горой. Ветер сломал наше временное укрытие, – он кивнул на хлопающий навес из змеиной шкуры и расколотое дерево, – и запасы еды у нас на исходе… – Тут он бросил взгляд на раздутый рюкзак на плечах незнакомца. – Быть может, у вас найдётся что-нибудь для обмена, друг мой? Что-то, чем вы могли бы поделиться со мной и моей маленькой девочкой?..

Фигура фыркнула, будто бы в ответ, и отбросила назад полы своего блестящего серого плаща. Огромные руки в перчатках вытянулись вперёд и осторожно сжали голову мужчины. Тот смотрел на незнакомца, настороженно улыбаясь, и боялся отреагировать неправильно на это странное приветствие. Дочь, стоявшая рядом, в смятении отступила назад.

– Папочка? – сказала она тихо.

– Всё хорошо, ангелочек, – ответил мужчина. – Он не причинит мне никакого вреда, правда ведь?

Тот, кто призывает зиму, не проронил ни звука, лишь постепенно усиливал давление на голову мужчины, будто проверял фрукт на спелость.

– Отпусти его! – закричала девочка, охваченная ужасом: глаза её отца вылезли из орбит и налились кровью. – *Отпусти!*

Тот, кто призывает зиму, лёгким движением плеча отбросил её в сторону, и она растянулась на снегу. В это мгновение капюшон упал с его головы; девочка подняла глаза и ахнула при виде костяной маски.

– Папочка! Папочка!..

Раздался треск. Между пальцами в кожаных перчатках стала просачиваться кровь. Красные капли падали на белый снег и становились розовыми, будто лепестки цветущей вишни. На них с глухим стуком рухнуло безжизненное тело.

Незнакомец повернулся к девочке; она задрожала под бесстрастным взглядом его сверкающих чёрных глаз в прорезях костяной маски. Девочка медленно, с трудом отползала назад, силясь встать на ноги, но не могла: гладкие подошвы её стоптанных ботинок скользили по снегу.

Она просила и умоляла незнакомца пощадить её. Голос, полный страдания, звучал то громче, то тише, слова потоком срывались со слюнявых губ.

Чик-чик. Чик-чирик.

Тот, кто призывает зиму, стоял неподвижно.

Он знал: повелительница кельдов и её товарищи наверняка не отказались бы от такой девчонки. Хоть она и была мала, но казалась сильной, а Резак Дэниел обожал длинные косы. Из неё вышла бы отличная рабыня. Но сейчас у него было другое дело. Всего-навсего одна цель. Он понимал: если взять девчонку с собой, то она будет ему лишь помехой, а если связать и оставить здесь, пока не сделает дело, то до его возвращения она умрёт, и тогда от неё не будет никакого толку.

Он наклонился, схватил девчонку и поднял. Чириканье стало ещё громче, противнее и визгливее, и ему уже казалось, что она щебечет прямо у него в голове.

Чик-чик. Чик-чирик.

Он принялся трясти девчонку, сжимая руками в перчатках её костлявые плечи; тряс и тряс до тех пор, пока она не обмякла и не замолчала. Голова на сломанной шее откинулась назад.

Тот, кто призывает зиму, ослабил хватку, и девчонка мешком рухнула к его ногам. Он перешагнул через тело и продолжил подниматься по склону горы.

Слова повелительницы кельдов снова зазвучали у него в голове.

– Найди их. Вымани их из убежища. Убей их… медленно.

Из расщелины в скале позади него сначала показалась парочка шустрозмеев, а за ними – ещё с полдюжины змеев. Они засеменили по снегу, который уже начал схватываться ледяной коркой. Змеев манил запах крови. С жадным любопытством они изучали тела, а затем вонзили свои клыки в ещё тёплую плоть. Если они хотели вдоволь насладиться этим нежданным угощением до появления змеев-падальщиков, им нужно было поторопиться.

Глава вторая

– Загадывай желание, Фракия. – Мика вытер губы тыльной стороной ладони и протянул девушке кость-вилочку.

В дальнем углу пещеры Илай Винтер громыхал котелками и сковородками, надраивая их песком и отмывая в кадке с водой. Скалолаз терпеть не мог дурацкие суеверия, и Мика надеялся, что тот его не услышит – ну, или хотя бы не станет вмешиваться.

– Фракия? – настаивал Мика. – Будешь загадывать желание?

Девушка-змеерод даже не пошевелилась. Она уставилась в деревянную миску, которую держала на коленях. Мика хмуро глядел на неё.

Зимнее укрытие, в которое привёл их Илай, оказалось намного просторнее, чем Мика представлял. Кроме той комнаты с вяленым мясом, свисающим с низкого потолка, – заставленной ящиками, мешками и бочками, – здесь было ещё три смежных комнаты.

Первая из них была просторной, хорошо освещённой и проветриваемой, с высоким потолком, так что даже Илаю не приходилось наклоняться. Пол был устлан толстым слоем змеиных шкур: они согревали холодный, твёрдый каменный пол и делали его мягче; их не было только в самом центре, где в большом углублении разводили костёр для приготовления пищи. Илай соорудил над ним что-то вроде дымохода. Сбитая из слегка проржавевшего металла воронка сужалась до длинной трубы, которая вела к отверстию в потолке пещеры: через неё уходил дым. Вторая комната была продолговатой и узкой, с углублениями в полу, устланными тряпками и соломенными матрасами, – там они спали. В торцевой стене было клинообразное отверстие, служившее природной вентиляцией. Последняя комната была самой маленькой и служила отхожим местом – в углу была вырыта яма, а рядом насыпана большая куча песка.

На равнинах, где рос Мика, они жили впятером в тесной лачуге. По сравнению с ней зимнее укрытие казалось просторным, и, как бы снаружи ни завывал ветер, внутри было уютно. По крайней мере, Мике.

А вот Фракия с ним не соглашалась. Не могла. Это место для неё было тюрьмой; она вяло расхаживала взад-вперёд, как змей в клетке, неспособная сбежать, неспособная взлететь…

– Фракия? – тихо шепнул Мика.

На сей раз девушка-змеерод подняла на него глаза. Она была красива; дух захватывало, как красива, с этими пепельно-золотистыми волосами и тёмно-серыми глазами. Но и при тусклом свете лампы Мика видел, как она похудела. Даже слишком. Её лицо было светом и тенью выпирающих скул и впалых щёк, а костюм из душекожи, который раньше облегал её тело, теперь висел словно обноски, доставшиеся от старшей сестры.

– Желание, Фракия, – повторил Мика.

Он протянул ей косточку. Фракия уставилась на него отсутствующим взглядом.

Это из-за того, думал Мика, что Фракия недоедает. Судя по песочным часам, они с Илаем без малого три часа строгали сушёные корни и маринованные овощи, нарезали вяленое мясо сквобозмея, варили из всего этого густое жаркое, которое, можно было признать без лишнего хвастовства, получилось чертовски вкусным. Фракия, однако, почти не притронулась к нему.

– Голод – да, – сказала она, когда Мика уговаривал её поесть. – А вот аппетита нет, – с этими словами она отодвинула от себя миску.

Мика не отрываясь смотрел ей в глаза. Когда-то они сверкали, аспидно-серые и глубокие, как озеро. А теперь? Будто бы жизнь покинула их, оставив лишь два унылых серых камня…

Вдруг Мика заметил, что взгляд Фракии больше не устремлён на кость-вилочку; она смотрела в упор на него. Он сглотнул и улыбнулся ей.

– Потяни за вилочку, Фракия, – подбадривал он её. – Вдруг сбудется?

– Моё желание? – вяло протянула Фракия и пожала плечами. – Может, для тебя будет лучше, если оно не сбудется.

Мика поёжился – холодные мурашки пробежали по шее и голове. Он снова сглотнул, всё ещё надеясь, что скалолаз не слышит их.

– Это глупо, Фракия, и ты сама это знаешь, – сказал он. – Чего бы ты ни пожелала для себя, я всегда тебя поддержу. – Он снова улыбнулся, наклонился вперёд и взял её за запястье. – Больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива.

Мика поднял её руку, поднёс к губам и хотел поцеловать, но Фракия вырвала руку. Мика испугался, не разозлил ли он её – он терпеть этого не мог, – но когда девушка отвела взгляд, он увидел в её пустых серых глазах вовсе не гнев, а глубокую неутешную печаль.

Мике было горько.

– Фракия… – начал было он.

Но девушка-змеерод поднялась и с миской жаркого, к которому так и не притронулась, направилась в спальню.

– Я могу разогреть его, – предложил Мика, вскакивая с пола.

– Это вовсе не обязательно, – с этими словами Фракия скрылась в соседней комнате.

Мика со вздохом опустился обратно за стол. Он так надеялся, что, спрятавшись от всех в подземном укрытии на долгие месяцы зимы, они найдут утешение в компании друг друга! Но вышло совсем иначе. Несмотря на физическую близость, Фракия была как никогда далека от него.

О, она любила его, по-своему, как могла, Мика знал это. Но что касается утешения… Казалось, она просто не позволяла себе утешиться. Хуже того, Мика ничего не мог с этим поделать.

Он уставился на кость-вилочку от копчёной туши сквобозмея, которую сохранил специально. Широкая, изящная, она была раза в три крупнее индюшачьей.

– Илай, – сказал Мика, подняв глаза, – не могли бы вы потянуть за другой конец косточки? У меня есть желание для Фракии, и я очень хочу, чтобы оно сбылось.

– Нельзя загадывать желания за другого, – прозвучал грубоватый ответ скалолаза. – К тому же, – добавил Илай, – кости змеев слишком крепкие, их так просто не разломать.

Илай даже не обернулся. Да и ни к чему было. Мика понял, что тот всё же слышал весь их с Фракией разговор, и покраснел от смущения.

– Когда закончишь, принеси мне грязную посуду, – сказал Илай.

Мика наблюдал, как изгибалась и напрягалась спина Илая, пока он отскабливал пригоревший жир со сковороды. Время в зимнем укрытии заполнялось мелкими рутинными делами – мытьём посуды, натачиванием ножей и прочим в таком духе. Это и были повседневные занятия Илая. Когда он ничего не чистил и не ремонтировал, то чаще всего пропадал в кладовой, тщательно перебирая провизию и прикидывая, что из еды приготовить в следующий раз.

Тихонько вздохнув, Мика собрал деревянные миски, кружки и ложки, кувшин из-под ликёра и большое блюдо, в котором было подслащённое мёдом ячменное пюре, сложил всё в стопку, сверху пристроил кость-вилочку и отнёс Илаю.

– Поставь вон там, парень, – кивнул скалолаз в сторону плоской каменной плиты; его взгляд упал на вилочку. – Желания, – фыркнул он. – Ты слишком взрослый для такой чепухи, Мика, – заметил Илай. – Кроме того, из этой кости можно сделать кое-что полезное.

Мика нахмурился. Он взял кость и повертел её в руках.

– Интересно, что?

– Присмотрись, – сказал Илай, вытирая мокрые руки о штаны и поворачиваясь к Мике. – Разве её форма тебе ничего не напоминает?

Мика пожал плечами. Илай забрал у него вилочку и, держа её в одной руке, другой погладил неровную поверхность.

– Видишь ли, Мика, – сказал он, – в отличие от нас с тобой, да и от любого другого человека, у змеев сросшиеся ключицы, – он осторожно провёл пальцем по каждой изогнутой части косточки и задержался на верхушке, в которой они соединялись, – как у птиц. Такое строение укрепляет их. И позволяет летать.

Илай взял кость за сросшийся конец и перевернул изогнутыми отростками вверх. Скалолаз вопросительно взглянул на Мику своими бледно-голубыми глазами, и его губы изогнулись в лёгкой улыбке.

– А сейчас ничего не напоминает?

Мика нахмурился.

– Букву «у»? – предположил он.

Илай взял кость в левую руку, а правой сделал движение, как будто оттягивал тетиву.

– Рогатка! – воскликнул Мика.

– Хвала Создателю, – улыбнулся Илай. – Твоя голова всё-таки варит. Клянусь, я уж было начал в этом сомневаться! – Он важно кивнул. – Но в конце концов ты догадался, парень. Рогатка.

Илай поднял кость-вилочку, и Мика по-новому взглянул на неё горящими глазами.

– Тут у тебя каркас, – объяснял скалолаз. – Нужно ещё немного кожи покрепче, толстый шпагат и пару кусков эластичной кожи – и ты получишь орудие, которое сразит наповал кого угодно с расстояния в сто шагов. – Он улыбнулся. – Если когда-нибудь понадобится…

Он вручил кость Мике, который поднял её перед собой, закрыл один глаз, согнутыми пальцами медленно оттянул воображаемую тетиву и отпустил её.

– *Буф*, – пробормотал он и взглянул на Илая. – Думаешь, получится?

– Перво-наперво, парень, её надо сделать. – Илай повернулся и кивнул в сторону кладовой. – Всё нужное ты найдёшь в старом сундуке в углу. Наберёшь подходящие материалы – неси, я посмотрю и скажу, с чего тебе начать, – улыбнулся он. – Если повезёт, как минимум на пару дней у тебя будет толковое занятие.

Мика рассмеялся. Делать рогатку было явно интереснее, чем возиться по хозяйству.

Он направился к кладовой; проходя через спальню, он пригнулся, чтобы не удариться головой о низкий потолок. И остановился. Фракия, сидя на краю своего матраса, кормила кусками тушёного мяса мандрозмея, который устроился у неё на плече. Над ней на выступе скалы висела деревянная клетка; решётчатая дверца клетки была открыта.

Илай объяснял им обоим, как важен для них этот мандрозмей. Если вдруг вентиляционное отверстие или труба над костром засорятся и воздух наполнится угарным газом, то задолго до того, как кто-нибудь из них троих среагирует, чувствительное существо погибнет – и даст им время всё исправить; иначе они сами надышатся и умрут. Мика тяжело вздохнул. Им нельзя было потерять этого змея; но то был уже не первый раз, когда Фракия выпускала его из клетки.

Девушка-змеерод скучала по Асилю, своему белозмею, скучала мучительно, и Мике было больно смотреть на это. Но белозмей оставил Фракию, когда увидел их с Микой лежащими на берегу озера в те последние дни середины зимы. Теперь, запертая в этой пещере на всю настоящую зиму, прячась от лютого, жгучего мороза и смертоносных снежных бурь, Фракия берегла это крошечное запертое в клетке существо как единственное, что у неё осталось. Мика это знал.

– Ну и как ему ужин? – спросил он мягко.

Фракия оторвала очередной кусок жилистого мяса и протянула змею. Тот вырвал угощение из её пальцев и проглотил целиком.

– Похоже, ему вкусно, – Мика сам ответил на свой вопрос и помолчал. – И хорошо… – Он снова замолк, глядя на выпущенного из клетки мандрозмея; он никак не мог выдавить из себя слова предостережения, которые, как он знал, обязан был произнести.

Но Фракия и сама догадалась. Она обернулась и взглянула на него.

– Знаю, знаю, – сказала она; её тусклые глаза смотрели угрюмо. – Но держать его взаперти целыми днями – это так жестоко.

Она протянула руку и почесала мандрозмея под подбородком. Медленно кивнув, она заговорила снова, и голос её, чуть громче шёпота, звучал мягко и успокаивающе.

– Никому не пожелаю такой участи, – говорила она крошечному змею. – Ни одному живому существу, ни одному человеку…

Глава третья

Мика распахнул глаза. Что-то его разбудило…

Он осматривал спальню, хотя знал, что это совершенно бесполезно. Лампы в зимнем укрытии не горели, помещение заполняла непроглядная тьма. Крошечные белые точки, похожие на блестящие пылинки, танцевали в воздухе, пока глаза Мики старательно пытались привыкнуть к темноте, но не могли.

Он прислушался к ветру, который прочёсывал горные вершины и склоны; дикий и безжалостный, он попадал в ловушки трещин и расщелин, где завывал и стонал, как неведомое безумное существо. Но к этому шуму Мика уже привык – и проснулся не от него.

Мика натянул на себя одеяло, откинулся спиной на матрас и положил руки под голову. Он уставился в пустоту, туда, где должен был находиться низкий потолок, и задумался: интересно, идёт ли там, снаружи, снег? Взошла ли луна, полная или ещё только месяц в форме серпа, а может, сегодня она спряталась за облаками – да и вообще, ночь ли на дворе? Для них с Илаем и Фракией ночь пришла только потому, что в зимнем укрытии не было света; а вдруг снаружи сейчас вовсю светит солнце?

Здесь, в укрытии, скалолаз отсчитывал для них часы дня и ночи с неукоснительной чёткостью, и лампы зажигались и гасли только по его команде. Именно он переворачивал часы каждый раз, когда песок перетекал из верхней колбы в нижнюю; он вёл счёт дням, складывающимся в недели, нанося на стену отметки специально припасённым для этого коротким угольком.

Будто сам Создатель, Илай даровал им день и ночь, думал Мика, как и сильнодействующий ликёр, который размывал для них время и делал их подземную жизнь настолько сносной, насколько это вообще было возможно.

Нужно отдать ему должное, думал Мика; бывалый скалолаз, казалось, позаботился обо всём. Зимнее укрытие было отлично спрятано от посторонних глаз, и в нём был такой запас провизии, которого хватит на всю зиму. Из поросшей мхом трещины в пещеру текла струйка воды, которая скапливалась в небольшом углублении в одной из ниш большой комнаты, и как бы ни опустилась температура за пределами пещеры, она никогда не замерзала – то ли из-за глубокого нагрева, то ли ещё из-за чего-то. У них был хворост, чтобы развести огонь, а зигзагообразные трещины в скале не только вытягивали дым из пещеры, но и выводили его на безопасное расстояние – на склон горы, высоко, возле дымящегося жерла, так что никто – ни друг, ни враг – не смог бы отличить одно от другого.

Мика закрыл глаза. Его снова клонило в сон.

Но тут откуда-то из темноты донёсся звук. Мика замер; сон как рукой сняло.

Это был шёпот – тихий, но настойчивый, звучный, как раскаты далёкого грома, нежный, как стук дождя, и пронзительный, как завывание ветра.

– Фракия? – Мика пошарил рукой по соседнему матрасу и обнаружил, что там никого нет. – Фракия?

Девушка-змеерод не отзывалась, но стук дождя и шёпот ветра, будто бы в ответ, стали громче.

Мика приподнялся на локтях. Он склонил голову, пытаясь определить, с какой стороны доносятся звуки. То они, казалось, раздавались где-то справа от него, через мгновение – уже слева, а ещё через секунду – прямо у него над головой, и когда воздух пахнул ему в лицо, Мика прикрылся руками.

Шёпот становился всё громче, подражая свисту ветра и стуку дождя, и нарастал, как надвигающаяся буря. И тут из темноты раздался долгий крик: он зародился грохочущим рокотом где-то в глубине горла и превратился в шипящий выдох.

– *А-а-а… си-и-иль…*

Мика сел ровно, в животе у него всё сжалось. Девушка-змеерод разговаривала во сне. Но не на том языке, который он, Мика, мог понять, а на том, каким владели белозмеи – какому научил её Асиль.

– *А-а-а… си-и-иль. А-а-а… си-и-иль.*

Она повторяла это имя с тоской в голосе. Теперь звук приблизился, и Мика шарил руками в темноте, пытаясь определить, где стояла Фракия.

– *А-а-а… с…*

Голос девушки-змеерода резко оборвался. Звуки ветра и дождя стихли. Мика напрягал слух, чтобы уловить её, но единственное, что он мог различить, – это движение человека, старающегося не издать ни звука. В следующую секунду юноша ощутил острую колющую боль в груди.

– А-а-ай! – вскрикнул Мика и упал на матрас.

Он чувствовал, что над ним кто-то нависает; пока он, дрожа, лежал на спине, кто-то сел на него верхом. Боль снова пронзила его грудь: что-то острое прижалось к ней прямо над колотящимся сердцем. Дрожащими руками Мика схватился за толстый штырь, который упирался ему в грудь, и попытался оттолкнуть его; но сверху на него давили, мощно и непреклонно.

– Фракия… Илай. Илай! *Илай!* – кричал он скалолазу, который, чтобы оставить Мику и Фракию наедине, ушёл спать в большую комнату.

Воздух резко наполнился золотисто-медовым светом; Мика повернул голову и увидел стоящего у входа в спальню скалолаза с лампой в руке.

– Не буди её, – прошипел Илай. – Только не буди её, Мика…

Юноша поднял глаза на девушку-змеерода, нависшую над ним: она обеими руками сжимала рукоять метлы и продолжала давить. Казалось, Фракия не спит: она прикусила нижнюю губу, глаза её сузились в холодной сосредоточенности.

Через секунду Илай уже стоял возле неё. Он поставил лампу на пол и взял девушку за плечо, шепча успокаивающие слова.

Фракия вздрогнула, и Мике пришлось сдержать крик, когда кончик рукояти метлы больно царапнул ему рёбра. Боль вдруг затихла: Илай медленно и уверенно вытащил метлу из рук девушки.

– Сюда… Вот сюда… – успокаивал Илай девушку, отводя её от матраса Мики к её собственному. – Сюда, Фракия…

Мика снова сел и теперь наблюдал за каждым их движением, пока Илай, одной рукой подхватив девушку под локоть, а другой поддерживая за спину, мягко опускал Фракию на матрас. Её голова склонилась набок, и на краткое мгновение Мика поймал её взгляд: свирепый, прекрасный, но растерянный и отсутствующий.

– Она спит, – прошептал Илай.

Мика неуверенно кивнул, потом сглотнул. Продолжая наблюдать за девушкой, он заметил, как её веки, казалось, потяжелели, а суровое выражение исчезло с лица. Она закрыла глаза. Мика снова сглотнул и взглянул на Илая.

– Она и впрямь меня так ненавидит? – прошептал он.

Илай нагнулся забрать лампу и импровизированное копьё.

– Она тебя вовсе не ненавидит, парень, – ответил скалолаз.

Мика пожал плечами.

– Вы уверены? – юноша разглядывал расцветающий синяк у себя на груди.

Илай присел на корточки рядом с ним. Взглянул на Фракию – её дыхание снова стало глубоким и ровным, – а затем повернулся к Мике.

– Ты должен понимать, парень, как Фракии нелегко. Её тревога куда глубже, чем кажется, но в этом она вряд ли признается тебе или мне – даже себе самой, – покачал головой скалолаз. –

Когда она спит, она снова с ним, слушает его слова, откликается на его зов. Как я уже говорил, Мика, узы родства нельзя разорвать…

– Но… Но ведь Асиль ушёл, – сказал Мика. – Он покинул её. Бросил…

– И, может, они никогда больше не увидят друг друга, – кивнул Илай. – Но вот что я скажу тебе, – добавил он, положив ладонь на руку Мики. – И ты хорошенько запомни: Асиль будет жить у неё внутри до последнего её вздоха, и ни ты, ни я, никто другой ничего не сможем с этим поделать. Просто смирись с этим. – Илай похлопал Мику по руке и привстал. – А теперь спи до ут… – Он осёкся и на его щетинистом лице появилась ухмылка. – До тех пор, пока я не скажу, что настало утро.

Поднявшись на ноги, Илай переложил лампу из левой руки в правую и скрылся в соседней комнате. Мика смотрел ему вслед, затем обернулся и взглянул на Фракию. Она всё ещё спала, её губы были приоткрыты, а тёмные веки плотно сжаты. Мика услышал тихий стук из соседней комнаты, громкий выдох – и свет погас.

Мика вздохнул и снова улёгся. Он приложил руку к груди; пальцы осторожно ощупывали синяк. Немного больно, но ничего серьёзного. А вот мучительная боль в сердце была совсем иной. Мика боялся, что она не пройдёт никогда.

Глава четвёртая

Тот, кто призывает зиму, наклонился, и полы его плаща из кожи озёрного змея захлопали. Он пробирался через сугробы, его скрипучее дыхание, забитое мокротой, вырывалось струями сероватого пара. Порывы ледяного ветра то и дело срывали капюшон и обнажали скрытую под ним костяную маску, покрытую инеем; сосульки из застывшей слюны блестели по краям прорези для рта, как короткие клыки.

Зимний глашатай поднялся на гору и нашёл себе временное убежище в защищённой от ветра лощине. Небо светлело. Он осмотрелся. Глубокие следы, которые он оставил на снегу, уже заполнились снегом, и ничто больше не указывало на его присутствие.

Глашатай запустил руку в складки плаща, достал продолговатую флягу, сделанную из бедренной кости, вытащил пробку и поднёс к губам.

Он сделал глоток сладкой жидкости ржавого цвета. Жгучая, как огонь, она пронзила его тело, притупляя чувствительность к боли, изгоняя усталость и все эмоции. Страх, сомнения. Жалость. В его одурманенном мозгу оставался лишь голос повелительницы кельдов – только он и обострившиеся обоняние и слух.

Она отлично обучила его, своего любимого раба. Купленный молодым и невинным за горстку драгоценных камней, он ещё тогда проявлял признаки несгибаемого духа и недюжинной силы – качеств, укрощённых регулярными побоями и дозами кровавого мёда, при помощи которых повелительница кельдов подчинила его своей непреклонной воле.

Тот, кто призывает зиму, закрыл флягу и спрятал её во внутренний карман под складками белого плаща. Он снова отправился в путь. Небо над головой становилось всё светлее, снежная буря немного утихла, и далеко впереди он заметил дымящуюся горную вершину. Довольный, что не сбился с курса, он усмехнулся.

К тому времени, когда тот, кто призывает зиму, достиг высоких вершин, короткий день уже близился к концу. Дым поднимался желтоватой пеленой; он сочился не из одного лишь отверстия, а из множества трещин, которыми была усыпана вершина. Здесь, где жар от раскалённой породы растапливал снег, не давая ему лечь, вершина горы представляла собой влажный камень, усыпанный гравием, который хрустел под ногами.

Семейство гнездозмеев, сбившееся в кучу, чтобы согреться в своём каменном гнезде, настороженно глядело на приближающегося чужака.

Нескладная фигура снова остановилась, стряхнула снег с капюшона и плеч и принялась рассматривать горизонт. Потом незнакомец вытащил из кармана тряпку и глубоко вдохнул её запах, затем понюхал воздух, потом снова тряпку…

Близко. Его цель была совсем близко, он в этом не сомневался.

Он повернулся и стал расхаживать по скале, будто бы бесцельно, склонив голову и стреляя глазами. Он пинал ногой камни, они разлетались и, кувыркаясь, с грохотом падали в узкие отверстия; тот, кто призывает зиму, прислушивался и принюхивался к дыму, струящемуся из горячих щелей.

Потревоженные гнездозмеи визжали и кудахтали. Всего он насчитал восемь. Там было два взрослых змея, размером с индюков, выделявшихся ярким окрасом на фоне тёмных камней, и полдюжины детёнышей, пока не летающих, но почти таких же крупных, ещё не сбросивших свою первую, серую кожу. Взрослые выпячивали жёлтую грудь, хлопали красно-синими крыльями, размахивали бахромчатыми хвостами и угрожающе визжали; их гребни топорщились, чешуя у шеи вздыбилась. Серые малыши широко распахивали челюсти и недовольно шипели.

Тот, кто призывает зиму, потеряв к ним интерес, продолжал расхаживать туда-сюда, принюхиваясь к дыму и глубоко дыша.

Почти везде дым был едкий. Пахло серой, тухлыми яйцами и раскалённым металлом. Везде, кроме одного отверстия…

Принюхавшись к сероватому дыму, он узнал запах полыни. Сосны болотной. Гикори. Тот, кто призывает зиму, знал: это растопка и дрова, которые чаще всего используют змееловы, – и от предвкушения у него даже потекли слюнки. Он снова вдохнул, дотронулся кончиком языка до зубов и ощутил запах змеемасла и смолы…

Не в силах терпеть незнакомца в своих владениях ни минуты дольше, взрослые гнездозмеи яркой разноцветной вспышкой поднялись в воздух, яростно визжа. Разинув пасти и обнажив клыки, они набросились на одетого в змеекожу пришельца, который напугал их детёнышей.

Тот, кто призывает зиму, оглянулся на их гомон. Он вытянул руку и ударил змея, который оказался ближе, с такой силой, что тот камнем рухнул на землю; тяжёлый ботинок тут же раздавил ему голову. Второй змей взвизгнул и развернулся в воздухе, но слишком поздно. С хриплым рыком и удивительной ловкостью тот, кто призывает зиму, выбросил руку вверх и схватил существо за красно-синее крыло. Он раскрутил его над головой – круг, ещё круг, – а затем отбросил на камни.

Шипение детёнышей переросло в громкий визг. Они заметались, захлопали крыльями в безуспешных попытках взлететь и высыпали из каменной ограды, окружавшей их гнездо. Когда над ними нависла тёмная тень, они, сбившись в одно несуразное многоголовое чудовище, заскрежетали и защёлкали челюстями.

Пронзительный визг переполнял голову того, кто призывает зиму, и глаза под костяной маской сузились; он схватил одного из детёнышей и, будто отжимая мокрую тряпку, свернул ему шею. Послышался треск позвонков, змеёныш обмяк и был отброшен в сторону; тот, кто призывает зиму, потянулся ко второму существу, затем к третьему, – и так до тех пор, пока не передушил всех гнездозмеев, бросая их тушки себе под ноги.

Он встал на колени возле отверстия, из которого пахло дымом от полыни и гикори, и опустил в него руку в перчатке. Это было похоже на дымоход.

Каменные стенки были гладкими, без трещин, и чем ниже он погружал руку, тем у́же становилось отверстие. Тот, кто призывает зиму, почувствовал, как похожее на трубу отверстие изгибается, и мысленно отметил для себя угол и направление. Затем, поднявшись, он дотянулся до туши самца гнездозмея и втиснул её в отверстие, заткнув его. Сверху он уложил и тушу самки.

Тот, кто призывает зиму, любовался своей работой, усевшись на корточки. Отверстие было почти перекрыто, но дым всё ещё просачивался тонкой струйкой между тушами гнездозмеев.

Тот, кто призывает зиму, осмотрелся. Его взгляд упал на груду мёртвых змеёнышей. Он брал их по одному и тёплыми гибкими тельцами затыкал все щели, пока запах горящего дерева не исчез, а дым не перестал струиться.

Тот, кто призывает зиму, поднялся на ноги.

Там, где был дымоход, должен был располагаться надёжный, скрытый от посторонних глаз очаг, согревающий сгрудившихся вокруг него, ничего не подозревающих спящих людей, которые пережидают зиму в своём укрытии. Судя по углу дымохода, оно находилось где-то на другой стороне горы.

Где-то рядом.

Глава пятая

Услышав скрежет камня о камень, Мика поднял голову. Порыв ледяного ветра обжёг лицо, голые руки от холода сразу покрылись гусиной кожей. Глотнув морозного свежего воздуха, он вдруг понял, насколько душным и спёртым был воздух у них в укрытии.

Мика сидел на своём матрасе, поджав под себя ноги и обложившись инструментами для работы по дереву, обрывками кожи, катушками верёвки и кишечной нити. В одной руке юноша держал квадратный кусок кожи озёрного змея, а в другой – свой нож, которым вырезал в коже два небольших отверстия. Рогатка, над которой он корпел, лежала у него на коленях.

Снова послышался скрежет. Мика наклонился, заглянул в низкое отверстие, ведущее из спальни в кладовку, и увидел, как Илай задвигает на место каменную плиту, закрывающую вход в зимнее укрытие.

Мика отложил рогатку, поднялся на ноги и через узкую щель проскользнул в соседнюю комнату.

– И как там, Илай? – спросил он.

– Холодно, – ответил скалолаз, стряхнув с плеч снег и сбросив капюшон.

Капли воды блестели у него на волосах, бровях и даже на кончике носа. Пару раз он энергично обхватил себя руками и похлопал по плечам. Потом снял перчатки, куртку, шарф, шляпу и повесил всё возле входа.

– Холодно, как никогда. И метель.

Мика кивнул. Если бы не холод и метель, Илай ни за что не вышел бы наружу: только в такое ненастье он мог решиться покинуть укрытие. Сильный снегопад уменьшал риск быть замеченным и в мгновение ока заметал следы.

– Если мы не хотим, чтобы нас нашли, у входа не должно быть никаких следов, – объяснил Илай, когда Мика первый раз спросил его, почему он именно в такую погоду покидает укрытие. – Оставить следы – это всё равно, что постелить у входа коврик с надписью «Добро пожаловать».

Конечно, лучше всего им было бы и вовсе носа наружу не высовывать. Но это было невозможно, иначе пещера превратилась бы в одну большую сточную канаву. За две-три недели даже при экономном расходовании песка и соли, неглубокая яма в углу маленькой комнаты переполнялась и начинала смердеть. Примерно раз в четыре недели, когда снаружи бушевала самая лютая непогода, Илай и Мика сгребали содержимое ямы в ведро; скалолаз уносил его как можно дальше от пещеры и вываливал в глубокий снег.

– Вы что-нибудь… видели? – спросила Фракия.

Она стояла у входа – как и всегда, когда Илай уходил. Каждый раз, когда каменная плита отодвигалась, она оставалась караулить, осторожно высовывая голову наружу и нетерпеливо оглядывая небо, пока Илай не возвращался и не закрывал за собой каменную дверь. Она ждала его возле входа, обхватив себя руками, стуча зубами от холода и опустив глаза в пол.

Порой Мика думал, что, несмотря на вечные разочарования, Фракия жила этими мгновениями, надеясь на чудо – что в следующий раз всё будет по-другому. Когда каменная плита отодвинулась, девушка снова не увидела того, чего искала; но оставалась надежда, что видел Илай.

Однако он ничего не видел.

– Никого и ничего, – сказал он ей, качая головой. – И, думаю, ещё долго не увижу. Зима свирепствует. Ветер поменял направление, и снег валит стеной. Если так продолжится, то завтра примерно к этому времени нас заметёт, и мы окажемся глубоко под снегом.

Девушка-змеерод отвернулась.

Лицо Илая выражало беспокойство.

– Кружка чая из тысячелистника была бы мне сейчас очень кстати, Фракия, – сказал он.

Но Фракия, казалось, не слышала его.

– Я могу заварить, – предложил Мика.

Илай пожал плечами.

– Я просто пытался её чем-нибудь занять, – тихо сказал он Мике. – Так-то я и сам могу сделать себе кружку чая. Ты будешь, парень?

– Конечно, – кивнул Мика.

Илай налил в медный котелок воды, поставил на огонь и раздувал костёр до тех пор, пока языки пламени не растеклись по закопчённому дну котелка. Скалолаз обернулся к Мике.

– Как успехи с рогаткой?

– Работа продвигается, но медленно, – ответил Мика. – Я не тороплюсь, Илай. Как вы и советовали.

– Хорошо, когда есть на что отвлечься, – заметил Илай, бросив взгляд на вход в узкую спальню, где уединилась Фракия. – Особенно сейчас, когда мы тут взаперти до самой оттепели.

Сборка рогатки оказалась именно таким трудоёмким делом, как и рассчитывал Илай, и Мика даже был рад, что ему есть чем себя занять в узком мирке однообразной жизни в зимнем укрытии.

В первый день Мика шлифовал кость, обтачивал грубые края и все неровности. На второй день он вырезал ручку и проделывал в верхушках ответвлений У-образной кости отверстия, чтобы натянуть тетиву. На третий день, пока кость закалялась в горячем пепле, Мика занимался остальными необходимыми заготовками. Он проверял на эластичность хранившиеся у Илая разные виды кожи – для тетивы больше всего подошла шкура туманозмея, мягкая и легко тянущаяся, от неё Мика и отрезал две длинные полоски; из прочной кожи озёрного змея он вырезал квадрат, сделав из него мешочек. Мика прикрепил его к тетиве, чтобы загружать туда камни и осколки, которыми можно будет стрелять.

Закатав рукава до локтя и высунув кончик языка, Мика медленно и старательно сшивал, привязывал и приделывал всё на свои места. Наконец, он поднял рогатку перед собой.

Выглядела она внушительно, и Мика едва сдерживался, чтобы не опробовать её прямо здесь и сейчас. Но нужно было ещё кое-что доработать. Мика потянулся к деревянной катушке с кишечной нитью, лежавшей рядом с ним на матрасе.

Отмерив и отрезав четыре одинаковых куска нити, Мика вспомнил, как Илай выторговывал её в логове Менял. Теперь казалось, что с тех пор прошло сто лет.

Тогда был сезон дождей, а не зима, и они с Илаем были едва знакомы. Скалолаз держал себя отстранённо и замкнуто, и временами Мике казалось, что Илай вот-вот уйдёт и бросит его одного выживать в Высокой стране.

Но скалолаз не ушёл, и Мика был ему за это глубоко признателен. Он знал, что не смог бы выжить один: Змеиная пустошь была суровой и беспощадной дикой местностью, совершенно не похожей на равнины, которые он оставил. Покорять пустошь устремлялись отчаянные искатели приключений – кто охотиться и ловить змеев, кто воровать и обманывать; но все – чтобы тянуть последние соки из земли, которая раньше принадлежала одному лишь змеиному роду. Три сезона тому назад Мика отправился в трудное путешествие в Высокую страну, захваченный причудливыми мечтаниями о богатствах. В погоне за ними он неминуемо погиб бы, не возьми его Илай Винтер под своё крыло. С тех пор, как они начали свой путь бок о бок, Мика стал намного лучше понимать скалолаза. Теперь он угадывал, когда можно говорить, а когда, наоборот, стоит оставить тишину между ними нетронутой; он присматривался и учился уважению к жизненному укладу в суровой пустоши. Совсем как Илай.

Мика отбросил назад густые волосы, чтобы не мешали, крепко завязал узелки и закрепил их на месте.

– По мне, так почти готово, – раздался голос Илая.

Мика поднял голову, увидел стоящего над ним скалолаза и улыбнулся.

– И мне так кажется.

Илай присел на корточки возле Мики и взял у него рогатку. Скалолаз внимательно осмотрел её, но ничего не сказал. Затем, откинувшись назад, он достал из кармана горсть белых округлых камешков.

– Не возражаешь, если я её опробую? – спросил Илай.

– Нет, конечно, – ответил Мика.

Илай положил камешек в кожаный карман и поднёс рогатку к глазам. Он медленно натянул тетиву. Мика не отрываясь глядел на скалолаза, сердце в груди отчаянно билось. Достаточно ли окрепла кость? Выдержат ли нити?

– Видишь вон ту метку? – спросил скалолаз.

Мика посмотрел на чёрную отметину на стене, по форме напоминавшую звезду, и кивнул.

Илай отпустил тетиву. Нити вернулись на место, камешек просвистел по воздуху в подземной комнате. С резким треском он ударил в самый центр звезды, пробил песчаник и упал на пол пещеры.

Илай медленно и глубокомысленно кивнул. Мика сидел не дыша.

– Отличная работа, просто потрясающе, – сказал скалолаз.

– Вы действительно считаете, я хорошо справился? – спросил Мика, боясь поверить в похвалу Илая.

– Сам бы лучше не сделал, – признался Илай, поднимаясь на ноги. – Набери камней и пойдём со мной.

– Ты левша или правша? – спросил Илай.

– Правша, – ответил Мика.

– Я так и думал, – сказал Илай, морща лоб. – Тогда тебе лучше взять её в левую руку, а тетиву натягивать правой. Так ты придашь броску больше силы. А если повезёт, – добавил скалолаз, – то и точности прибавится.

Они стояли возле стены в большой комнате. После ужина напитанный маслом запах жареного всё ещё ощущался в воздухе, хотя огонь уже догорел, оставив после себя лишь мерцающие угли. Фракия сидела, сгорбившись, на змеиной шкуре: лицо её скрывал капюшон, а руки обвивали подтянутые к груди колени. На каменной плите, закрывавшей вход в укрытие, Илай нарисовал углём мишень – три сужающихся круга, один в другом, с общим центром в виде маленького закрашенного кружочка.

Мика взял рогатку в левую руку и оттянул тетиву назад, насколько смог. «Илай был прав», – отметил он про себя.

Скалолаз оценивающе следил за его движениями.

– Не сжимай так крепко, – сказал он.

Мика чуть ослабил хватку. Мешочек быстро проскользнул между костяшками его пальцев и выбросил камешек, который выстрелил в воздух, пролетел через всю комнату и ударился о каменную плиту.

Фракия подняла голову. Мика побежал проверить мишень.

– Я попал! – воскликнул он, ощупывая небольшую выбоину между первым и вторым кругом.

– Совсем неплохо для первой попытки, – кивнул Илай.

– Думаю, просто новичкам везёт, – скромничал Мика, хотя внутри ликовал от своего триумфа.

– А я бы сказал, врождённый талант, – ответил Илай. – Надо только его совершенствовать.

– То есть тренироваться, – сказал Мика.

– То есть тренироваться, – подтвердил Илай.

Мика вернулся к стене напротив двери. Он стрелял по мишени, пока не расстрелял все камешки, потом собрал их и начал сначала.

Илай устроился позади него на змеиной шкуре, спиной прислонившись к стене. Разложив перед собой все ножи, что у них были, – и для готовки, и для охоты, с ровными лезвиями и зазубренными, даже небольшой нож Мики, – он брал их по одному и точил лезвия. Тихое шуршание, с которым металл скользил по точильному камню, сопровождал глухой стук камешков, бившихся о мишень.

Время от времени Илай поднимал взгляд и делал полезные замечания.

– Не выставляй локоть.

Или:

– Когда целишься, держи голову прямо.

И частенько:

– Отличный выстрел, парень.

Каждый раз, когда скалолаз хвалил его, Мика заливался краской, хотя и сам понимал, что стреляет всё лучше. С каждой собранной горстью камешков попаданий в яблочко становилось всё больше. К тому же с каждой новой попыткой что-то менялось. Что-то внутри него. Вставая в стойку и совершая движения на автомате, он мог сосредоточиться на самом полёте камешка, и под конец, выпуская каждый новый снаряд, он будто бы мысленно гнал его к цели.

Чёрный круг, нарисованный Илаем, потихоньку стирался с каждым точным попаданием Мики. И каждый раз, когда это происходило, Мика уже не удивлялся, а наслаждался тем, что держит всё под контролем.

Он оглянулся и увидел, что Фракия внимательно следит за ним; её серые глаза поблёскивали из-под капюшона. Одним изящным движением она поднялась на ноги, подошла к нему, забрала рогатку, быстро развернулась, оттянула тетиву и выстрелила, попав в самый центр мишени. Потом повернулась к Мике, выпустила рогатку из руки – и та с грохотом упала на каменный пол. Девушка снова уселась на шкуру. Мика чувствовал, что лицо у него горит огнём.

– Думаю, можно уже и передохнуть, – мягко сказал Илай и взял со стола флягу с ликёром; Мика услышал звук извлекаемой пробки.

– Хотите, я помогу убрать ножи? – спросил Мика.

Илай собирался было ответить утвердительно, но тут его взгляд упал на часы. Почти весь песок пересыпался вниз.

– Завтра сделаем, – сказал скалолаз. – Я дождусь, когда всё прогорит, и пойду спать.

Он уселся на толстой змеиной шкуре возле мерцающих углей. Мика сел напротив и наблюдал, как обгоревшее дерево отливало то ярко-оранжевым, то синим, и как клубы дыма обнимали основание металлической трубы.

Это было любимое время дня Мики – время, когда песок в часах второй раз за день почти полностью перетекал из верхней части колбы в нижнюю, когда вся работа по дому была переделана и скоро уже можно было отправляться спать. Обычно в этот час Илай приглушал свет лампы, раздавал каждому по рюмке с ликёром, и они тихонько беседовали, пока тлеющие угли догорали; огонь постепенно угасал, и в темноте звучали лишь бестелесные голоса.

Фракия села рядом с Микой; лицо у неё было задумчивое.

– Я не хотела… проявить неуважение к твоей работе, – сказала она.

– Всё нормально, – вздохнул Мика. – Ты просто лучше стреляешь, Фракия, вот и всё. Сколько бы я ни тренировался.

– Фракия – змеерод, парень. Это у неё в крови.

Скалолаз потянулся и каблуком толкнул сгоревшее полено. Оранжевые искры взметнулись и тут же исчезли.

– Но вот что я скажу тебе, парень: эта рогатка – настоящее, отличное оружие, сделанное твоими руками. Кропотливая работа. Точная. Я горжусь тобой.

Мика скромно улыбнулся. После короткой вспышки света от искр снова повисла тёмная тишина.

– Мне не хватает моего родокопья. С ним я чувствовала себя защищённой… – голос Фракии был низким, прерывистым, но Мика мог различить в её словах боль утраты и упрёк. – Мне не хватает воздуха, неба, высоты, где мне было так спокойно. Эта… эта тесная тёмная пещера, зловонная и грязная, испачканная нами же, – я задыхаюсь здесь…

– Тогда говори о своей жизни, Фракия. О родстве. Вспоминай облака. Высокие скалы и долины, – голос скалолаза выдавал его собственную глубокую тоску. – Возвращайся туда в своих мыслях… Поверь, это поможет!

Послышался скрип душекожи; Мика догадался: Фракия надела капюшон.

– Не могу.

– Выпей ликёра, – сказал Мика. – Поможет уснуть.

Фракия с сомнением взглянула на протянутую ей рюмку, но через мгновение взяла её, в два глотка выпила обжигающую жидкость и поставила рюмку в сторону.

Мика почувствовал, как его тело отяжелело, а в голове всё поплыло. Нерешительным движением он взял Фракию за руку. Она её не отдёрнула. Мика потянулся к ней другой рукой и осторожно привлёк к себе – и вдруг она обняла его так крепко, что ему показалось, будто его сердце вот-вот взорвётся.

– Сейчас я погашу свет, – объявил Илай из соседней комнаты.

Мика лёг рядом с Фракией, натянул на них обоих одеяло и обвил руками её стройное тело. Илай потушил лампу, и зимнее укрытие погрузилось в непроглядную тьму.

– Фракия? – прошептал Мика.

– Мика, – отозвалась девушка и повернулась; Мика почувствовал тёплый пряный аромат её дыхания. – Мика.

Она стянула с себя шелковистую душекожу, протянула руки и принялась расстёгивать рубашку Мики. Наконец они остались лежать обнажённые, кожа к коже.

– Мика. Мика…

Потом Мика лежал на спине, ощущая в груди боль, глубокую, сильную и неодолимую. Фракия была так близко, и всё же, казалось, с каждым днём она все больше отдаляется от него. Одной рукой он нежно обнял её за плечи, погладил по щеке большим пальцем, а другую руку положил ей на грудь, чтобы чувствовать, как бьётся её сердце.

– Тебе не нужно родокопьё, Фракия. У тебя есть я, – сказал он с нежностью. – Я буду защищать тебя, – он помолчал, – всегда.

Девушка-змеерод не ответила. Дыхание её было спокойным и ровным – она спала. Вскоре уснул и Мика.

В это время у них над головами крошечный мандрозмей, выбиваясь из сил, взмахнул крыльями и рухнул на пол клетки. Тихий чирикающий звук застрял в глубине его горла: он задохнулся, тщетно пытаясь втянуть хоть немного свежего воздуха из отверстия в камне, и умер.

Глава шестая

Тихонько крякнув, тот, кто призывает зиму, снял с плеч тяжёлый рюкзак и поставил его на землю. Рюкзак утонул в рыхлом снегу. Тот, кто призывает зиму, развязал его, запустил внутрь руку в перчатке и стал ощупывать содержимое.

Сдвинул фляги кровавого мёда, завернутое в бумагу мясо; ножи, удавки, обрезки верёвки и другие нужные инструменты. Щипцы для вырывания языков, ложки для выскабливания глаз, ножницы для костей, тиски для печени…

Наконец пальцы его сомкнулись, ухватив пару снегоступов, – он нашёл то, что искал. Тот, кто призывает зиму, вытащил их из рюкзака, и снегоступы – *шлёп, шлёп* – один за другим упали на землю. От взметнувшегося вихря снежинок у него даже дыхание перехватило.

Внешние рамы и распорки широких овальных снегоступов были сделаны из рёбер змеев, между ними была натянута переплетённая кишечная нить. С трудом поднимая ноги из глубокого снега, тот, кто призывает зиму, хорошенько прикрепил свои тяжёлые ботинки к снегоступам.

Он сделал пару шагов, пробуя снежный наст. Снегоступы скользили по поверхности, но не проваливались, и тот, кто призывает зиму, одобрительно хмыкнул. Расправив плечи, он взгромоздил на спину тяжёлый рюкзак и продолжил путь.

Снег валил без остановки уже давно. Три ночи, не меньше, плюс короткие дневные часы между ними. Гонимые ветром хлопья падали, оседали, накапливались и замерзали, наст слой за слоем всё утолщался. А снегопад даже не думал прекращаться.

Он приглушал запах (своими землистыми нотками), по которому двигался тот, кто призывает зиму, но не поглощал его полностью. Нюх у того был слишком хорош. В любой момент пути он мог учуять даже самый слабый запах своей добычи, и кусок тряпки не давал ему сбиться с пути.

Цель уже близко, он знал это точно. Совсем близко. Тот, кто призывает зиму, встал на колени, наклонился, опираясь огромными ладонями на снежный наст, и потянул носом воздух.

Эти были умнее многих. Они очень старательно замаскировали свой дымоход и вывели его так далеко от укрытия, как только было возможно. И свои отходы они выносили и прятали так, чтобы ничто не указывало на их присутствие. И всё же недоглядели: всего одна капля содержимого мусорного ведра выдала их – крошечная капля под коркой снега, которую не заметил бы любой другой с менее обострёнными чувствами, чем у того, кто призывает зиму.

Выпрямившись, он отцепил кирку, привязанную сбоку к его рюкзаку, и обеими руками сжал резную ручку из бука. Был ещё день, ну или то время суток, которое можно было так назвать. Змеиный жир, которым был смазан острый металлический брусок, поблёскивал в тусклом желтовато-сером свете. Наклонившись, тот, кто призывает зиму, раскидал свежий снег и принялся стучать по заледеневшему слою внизу. Его дыхание учащалось, и чем глубже он копал, тем выше становилась куча снега позади него. Иногда с холма вдруг срывался замёрзший ком; он скатывался вниз, собирая по пути снег, и, разрастаясь, оставлял на склоне примятую дорожку.

Тот, кто призывает зиму, остановился. Прижал к лицу тряпку и вдохнул. Затем понюхал яму в сугробе. Экскременты. Он учуял их. Это экскременты тех, кого он ищет.

Из-под костяной маски вырвался влажный фыркающий звук. Из прорези для рта повалили клубы морозного дыхания.

Тот, кто призывает зиму, смеялся.

Глава седьмая

– Просыпайся…

Приглушённый голос будто бы доносился из какой-то глубокой пещеры или колодца. Мика слушал, как он то грохочет, то стихает; потом тяжесть опять навалилась, будто прижимая его к земле, пока он не врос в скалу; было темно, и всё вокруг пульсировало чётко и мерно.

– Просыпайся же…

Мика дёрнулся. Тусклый красноватый свет проникал ему под веки. Мика попытался поднять их, но не смог; от усилий в голове застучало.

Темнота сгущалась, уплотнялась и сковывала тело. Она давила на него, однако в ней было тепло и не сказать, что неприятно. Ему хотелось там остаться…

– Просыпайся… Мика…

Снова появился красный свет; что-то тянуло его за руку, тормошило и трясло.

– Мика!

Он открыл глаза. Свет лампы, жёлтый и яркий, мерцал прямо у него перед носом.

– Мика, скорее. Вставай.

– Илай? – Мика еле шевелил губами: во рту было вязкое ощущение, будто его набили мокрыми перьями. – Илай, что случилось? – спросил он, разглядев обеспокоенное лицо скалолаза.

– Вставай, Мика. Сейчас же! – Скалолаз повернулся к девушке-змееороду, лежавшей на матрасе возле Мики, и принялся трясти её за плечи. – Фракия, просыпайся…

Мика приподнялся на локтях, совершенно разбитый. Его тело отяжелело и ныло, а в голове всё смешалось в одну сплошную кашу. Он повернулся к Фракии. Она лежала обнажённая под стёганым одеялом и была так красива. Стройная, бледная…

Мике бросился в глаза синеватый оттенок её губ. И кончиков пальцев…

– Илай! – воскликнул Мика; ему показалось, что собственный голос прозвучал откуда-то издалека. – Что стряслось?

Свет лампы потускнел.

– Мандрозмей мёртв, Мика, – сказал Илай, и от этих слов у Фракии задрожал подбородок и дёрнулись веки. – Воздух испорчен. Скорее, Фракия, – Илай снова потряс девушку за плечо, – нужно вставать. Вставай же, Фракия!

Глаза девушки-змеерода распахнулись; она смотрела на Илая, но как будто не узнавала его. Фракия медленно приподнялась на матрасе и спокойно натянула на себя одеяло.

– У нас мало времени, – сказал Илай. – Похоже, труба забилась, и в укрытие больше не поступает воздух. Нам срочно нужно проветрить его.

Мика быстро натянул штаны, рубашку и жилет из змеиной кожи, затем принялся зашнуровывать ботинки из телячьей кожи, которые чинил три дня. Дышать ему было тяжело, и как бы он ни пытался вдохнуть глубоко, одышка не прекращалась.

Мика посмотрел вверх и увидел в подвешенной клетке безжизненного мандрозмея: глаза тусклые, язык вывалился, одно крыло свесилось между прутьями решётки. Фракия тоже увидела его – и тихо застонала.

Илай схватил Мику за руку и потянул его из спальни через большую комнату. Ощущение было, будто они пробирались через вязкий чёрный сироп. Стены пещеры то раздувались, то сворачивались перед глазами. Грудь сдавило, голову будто сжимали тиски. В висках пульсировала кровь.

Остановившись у каменной плиты, закрывавшей вход в укрытие, скалолаз присел на корточки и обхватил камень. Мика присел с ним рядом.

– Раз… Два… Три… Толкай! – скомандовал Илай.

Они навалились на плиту, кряхтя от напряжения. Но плита не сдвинулась с места.

– Толкай!

Они снова поднажали; руки и ноги дрожали, над сдвинутыми бровями выступал пот. Силы их были на исходе.

– Фракия! Фракия! – позвал Илай.

Рядом с ними появилась девушка-змеерод; свет лампы выхватил из темноты её лицо и блестящую на плечах душекожу. Она обхватила синеватыми пальцами боковую сторону каменной плиты, чуть ниже Мики. Он почувствовал, как она прижалась к нему дрожащим телом.

– *Толкай!* – прорычал Илай.

Мика, закрыв глаза, толкнул плиту что было сил. Раздался скрип, и камень чуть сместился. Совсем немного. Но небольшая щель всё же появилась.

Илай выпрямился.

– Раз. Два. Три. Толкай! – закричал он.

Тяжёлая плита поддалась и на этот раз, со скрипом отодвинулась и обнажила плотную замёрзшую снежную стену, перегородившую вход.

Мика сделал шаг вперёд и коснулся твёрдого снега. Он сверкал в свете лампы Илая. Скалолаз схватил лопату, прислонённую к стене.

– Надо копать, – сказал он. – Пустить в пещеру немного свежего воздуха.

Мика нащупал возле двери вторую лопату, Фракия взяла два каменных шипа, по одному в каждую руку. Они вернулись к белой стене, готовые атаковать её своими орудиями, но замерли, услышав методичный и ритмичный скрежет.

Он доносился с другой стороны сугроба и приближался.

– Как вы думаете, что это? – спросил Мика, щурясь, когда скрежет послышался совсем рядом. – Сквобозмей? Серозмей? Только бы не голодный краснокрыл…

– Никакой это не краснокрыл, Мика. Это вообще не змей, – мрачно сказал Илай; в его голосе сквозила тревога. – Слишком уж ритмично копает, – пробормотал он.

Мика повернулся к Илаю и в жёлтом свете лампы увидел выражение, которое смог распознать, хоть никогда раньше не видел его на лице скалолаза. Это был страх.

– Если это не змей, то кто же? – спросил Мика.

Илай медленно покачал головой; глаза его сузились, губы сжались.

– Может, приживала – змеелов, который норовит поселиться в чужом укрытии. Это если нам повезло…

– А если нет? – спросил Мика и с трудом сглотнул, когда Илай потянулся за тяжёлым арбалетом, который держал заряженным возле входа.

– Кельд, – прозвучал ответ.

Глава восьмая

Кельд?

Перед глазами у Мики всё плыло. Кельды – тёмные, замкнутые обитатели пещер. Такие же, как Редмирта, которую они убили в её подземном логове. Перед глазами Мики замелькали образы Редмирты и её кухни, больше походившей на склеп. Пилы, крюки, отрубленные головы на разделочных плитах…

Но кельды наверху, на земле, посреди зимней метели? Разве такое вообще возможно?

– Мика. Смотри. Смотри! – прозвучал голос Фракии.

Стена из плотного снега истончилась, и теперь сквозь бледно-молочную белизну просматривалась сгорбленная тёмная фигура, поглощённая работой. Фракия тихо застонала, уставившись на каменные шипы в своих руках.

– Родокопьё, – горько бросила она. – Мне нужно родокопьё.

Но зимнее укрытие было слишком тесным для того, чтобы держать в нем родокопьё. Фракия обернула его в промасленную змеиную шкуру, которую дал ей Илай, и спрятала между двумя валунами-близнецами у подножия горы, где оно должно было пролежать в целости и сохранности до самой оттепели. Мика видел, как она прятала его, и теперь, обернувшись, встретился с ней взглядом. Фракия потупила взор. Оставалось рассчитывать лишь на каменные шипы.

Она сделала глоток спёртого воздуха, и в её груди всё сжалось. Рядом раздавалось хриплое и прерывистое дыхание Мики.

Фракия зажала каменные шипы зубами и, крякнув от натуги, взобралась на стену над входом; она замерла, напрягая руки и ноги, выгнула спину и нащупала опору на скале. Медленными осторожными движениями она вытащила шипы изо рта и зажала по одному в каждой руке. Внизу тихо выдохнул Илай: он опустился на одно колено, поднял и навёл свой арбалет; палец замер на спусковом крючке.

Раздался хруст, и снежную стену пробило железное лезвие кирки. Осколки ледяного снега посыпались на пол, и внутрь ворвался поток холодного и чистого воздуха, который был так нужен им троим.

В следующую секунду лезвие исчезло. Копание прекратилось.

– Мика, сынок, – прошептал Илай, – не стой столбом. Приготовь свою рогатку.

Мика отступил в темноту большой комнаты, не сводя глаз со снежной стены. Внезапно в пещеру с тяжёлым глухим стуком ввалился плотный ком снега, за которым показался толкнувший его массивный ботинок. Мика развернулся и со всех ног кинулся в спальню, чувствуя спиной, как ледяной воздух врывается в зимнее укрытие.

Мика услышал, как грохнул арбалет Илая; за треском последовал глухой стук наконечника стрелы, попавшего во что-то твёрдое. Через мгновение пещеру наполнил пронзительный и дикий визг Фракии, который сопровождали какие-то хрипящие и дребезжащие звуки. Каменные шипы один за другим упали на каменный пол. Звякнул арбалет Илая: скалолаз пытался перезарядить его. Последовал резкий треск, тихий вздох, затем треск, ещё и ещё раз, и наконец тяжёлый стук: тело рухнуло на каменный пол.

В зимнем укрытии повисла тишина.

Дрожа от страха, Мика продолжил пробираться в темноте. Не сводя глаз со входа в спальню, он присел на корточки возле матраса и стал шарить рукой, пока не нащупал рогатку. Пальцы сжали ручку. Мика подобрал с пола несколько камешков. Он прислушивался ко звукам, доносившимся из соседних комнат, и медленно углублялся в темноту.

Вдруг раздался треск, будто кто-то чиркнул спичкой. Что-то с гулким стуком упало и прокатилось по полу большой комнаты. Через секунду последовала ослепительная вспышка света и прогремел оглушительный взрыв.

На пол посыпались камни. Воздух наполнила густая пыль. Сквозь вход в спальню Мика видел, как пламя наполнило большую комнату серным сиянием.

Через мгновение свет погас, и вход перегородила массивная фигура; её громадный силуэт чётко вырисовывался на фоне пламени. Рукой в перчатке незнакомец прижимал что-то к лицу. Какую-то чёрную, рваную суконную тряпку – обрывок плаща, какие носят пахари на равнинах; обрывок, зацепившийся за крюк в логове Редмирты и найденный повелительницей кельдов.

– Они проникли в её пещеру, эти змееловы. Они ограбили её. А потом убили. Одну из нас, – говорила ему повелительница кельдов тихим медовым голосом. – Мы должны отомстить за смерть кельда, – она протянула ему кусок тряпки, – вот их запах.

Найди их. Вымани их из убежища. Убей их… медленно.

Незнакомец прижал тряпку к костяной маске и сделал вдох, затем ещё один. Потом пригнулся и вошёл в спальню, поворачивая голову в капюшоне то туда, то сюда.

Мика прижался спиной к холодной каменной стене и перестал дышать. Он вложил в мешочек на рогатке камень и медленно поднял её на уровень глаз.

У него будет всего один выстрел.

Причмокивая и сопя, жуткая фигура исследовала темноту. Воздух наполнился едким запахом горелого гусиного пуха и змеиных шкур из большой комнаты. Но Мика чётко распознал и другой запах. *Его* запах.

Мика оттянул тетиву. Дрожащими руками он пытался прицелиться.

Сделай это. Сейчас же, уговаривал сам себя Мика; его взгляд, вытянутая рука и камень были направлены в одну точку. Сейчас!

Мика отпустил кожаный ремешок, и тяжёлый круглый камень устремился вперёд. Через мгновение раздался хруст разбитой скорлупы: камень попал незнакомцу точно в лицо. Крякнув от неожиданности, тот пошатнулся, оступился и с грохотом рухнул на пол. Голова свесилась набок. На пыльный каменный пол капала кровь.

Мика на мгновение замер, выжидая, когда сердце перестанет бешено колотиться. Затем он подошёл к телу и посмотрел вниз. Плащ распахнулся, и Мика увидел стрелу Илая, застрявшую в замысловатой броне, собранной из змеиных лопаток и ключиц. Лицо скрывал капюшон. Вокруг было тихо, и только струйка крови стекала в разрастающуюся на полу лужу.

Мика присел на корточки и откинул капюшон незнакомца. На него смотрела костяная маска, расколотая над левой глазницей, куда угодил его камень. Сквозь сломанную кость сочилась кровь. Позади, в большой комнате, потрескивало и вспыхивало пламя, и спиной Мика чувствовал нарастающий жар.

Он уже собирался развернуться на пятках, когда внезапно раздался глубокий хрип; рука в перчатке взлетела в воздух и схватила Мику за шею. В лицо ему пахнуло тёплое зловонное дыхание незнакомца, и из отверстий в костяной маске на него уставились два глаза: один блестящий, как антрацит, другой залитый кровью.

Хватка усиливалась; из прорези для рта донёсся хриплый голос.

– Редмирта, – прошептал незнакомец.

Глава девятая

Что-то у него во рту не давало челюстям сомкнуться. Что-то мягкое и раздутое, с привкусом тухлого мяса.

Мика сглотнул. К горлу подступила тошнота. Он попробовал открыть глаза, но не смог. Они как будто были склеены. Пошевелить руками и ногами он тоже не мог. Он был распластан, руки вытянуты над головой, ноги раздвинуты.

Выгибая спину, Мика пытался высвободиться. Кричать не давал кляп во рту; верёвки на запястьях и лодыжках от попыток вырваться только глубже впивались в кожу. Он откинулся назад, силы покинули его. Холод обжигал кожу, будто раскалённым железом клеймил ему плечи, ягодицы, икры; в голове стучала кровь.

Что же, всему конец? Так он и умрёт, обездвиженный и беспомощный, как каменозмей в ловушке?

Мика вздрогнул. Он почувствовал на своём лице тёплое дыхание, гнилостное и резкое, затем кто-то подул сначала на одно его веко, затем на другое. Собравшись с силами и задыхаясь, он попытался отвернуться, но рука сжала ему челюсть и не дала пошевелиться. Замёрзшие слёзы, склеившие его ресницы, начали таять под шумным дыханием, и вскоре Мика смог приоткрыть глаза до узких щёлочек и посмотреть вперёд.

Тот, кто призывает зиму, сел на корточки и фыркнул. Эту часть действа он любил, пожалуй, больше всего. То, что предшествовало треску ломающихся костей и крикам, раздиранию плоти и льющейся крови.

Страх.

Он протянул руку и снял костяную маску.

Мика вздрогнул и хотел закричать, но кожаный кляп пропустил лишь сдавленные рыдания. Лицо кельда под маской было сплошь покрыто мелкими пересекающимися шрамами. Они стёрли его черты, смазали бесформенную переносицу, сплющили и растянули в стороны ноздри, превратили губы в тонкую кривую линию. Бледно-голубые глаза были глубоко посажены в синюшные глазницы и глядели на Мику холодно и равнодушно. Под разлинованной шрамами кожей напряглись мышцы; они едва заметно задрожали, когда изо рта показался кончик влажного языка.

Тот, кто призывает зиму, пытался улыбнуться.

Мика уставился на громадную фигуру, не в силах пошевелиться, не в силах закричать. Тот, кто призывает зиму, потянулся назад. Следуя за его взглядом, Мика стал рассматривать металлические орудия, аккуратно разложенные рядком на снегу. Они поблёскивали в тусклом солнечном свете. На некоторых были крюки, на других шипы или сверкающие лезвия; на одном красовалась сжатая пружина, которая разделяла два зазубренных металлических бруска, предназначенных то ли для сжатия, то ли для дробления. Мика смотрел, как рука в перчатке скользила над рядом инструментов, прежде чем опуститься на один из тускло-серых предметов.

Тот, кто призывает зиму, взялся за ручку выскабливателя для глаз, и изо рта с клубами пара вырвался хриплый смех. Он сдул с орудия снег, затем стёр последние прилипшие к металлу упрямые снежинки.

Тот, кто призывает зиму, приблизился к Мике и по очереди стал прикасаться к его векам металлическим инструментом. Он изобразил, как будет надавливать и прокручивать инструмент, чтобы не осталось никаких сомнений в его намерениях, и снова прижал выскабливатель к полным слёз глазам юноши. Кельд наслаждался ужасом своей жертвы, влажный язык высовывался из почти безгубого рта; он аккуратно положил инструмент на место, между шипом для дробления черепа и ножницами для костей.

Насмешливо фыркнув, тот, кто призывает зиму, поднялся на ноги и отошёл.

Мика подавил рыдания. Он повернул голову и увидел, что кельд снова присел – возле тела, к которому подошёл. У Мики замерло сердце.

Это была Фракия. Распластанная и прикованная к коротким кольям, вбитым глубоко в лёд, точно так же, как и он сам. Правая сторона её тела была в синяках и ссадинах, а возле уха запеклась кровь. Неподалёку лежал Илай, тоже связанный и с кляпом во рту; спутанные волосы были в крови, и снег вокруг тоже покрывали брызги крови. Как и Мика, они были раздеты, одежда лежала на снегу вне досягаемости: ботинки, носки, штаны, рубашки, душекожа Фракии – всё было разложено с нарочито издевательской аккуратностью.

Он мог прикончить их всех ещё в укрытии, думал Мика. Мог ещё там разбить им головы. Перерезать горло.

И всё же не стал этого делать. Он предпочёл вытащить их наружу, раздеть и разложить на стылом снегу, крепко-накрепко связанных по рукам и ногам.

Тот, кто призывает зиму, ткнул девушку-змеерода в ребро. Её он оставит напоследок. Всё ещё сидя на корточках, он повернулся к лежащему рядом змеелову, облизывая безгубый рот кончиком языка.

Илай посмотрел на кельда. Напрягся, силясь что-то сказать, но из-за кляпа слов было не разобрать.

Тот, кто призывает зиму, хихикнул и икнул. Он потянулся к инструментам и выбрал ножницы для костей. По очереди он прикасался зазубренными лезвиями к пальцам рук Илая, к его запястьям, затем повернулся и коснулся металлом пальцев ног. Лодыжек. Коленей… Потом опять хихикнул, икнул, и его шрамы на лице сложились в подобие улыбки.

Мике было ясно: кельд играл с ними. Он наслаждался их беспомощностью, страхом, дразнил своими адскими инструментами, разложенными на снегу с такой омерзительной педантичностью.

Тот, кто призывает зиму, отложил в сторону ножницы и склонился над Фракией. Он протянул огромную руку в перчатке и жестом, в котором едва ли сквозила забота, сдвинул прядь волос с лица девушки-змеерода. Потом протянул руку и вытащил из набора инструментов тяжёлое орудие с двумя усеянными шипами прямоугольными пластинами, прикреплёнными к металлическому стержню с резьбой.

Это был раздвигатель рёбер: им распахивали грудные клетки змеям, чтобы достать драгоценные органы. Лёгкие, мешочки с огненным маслом. Сердце.

Тот, кто призывает зиму, прижал шипы раздвигателя рёбер к коже девушки-змеерода, не сильно, чтобы не проколоть, но достаточно, чтобы остался тёмно-красный след, при виде которого Мике захотелось взвыть раненым зверем.

Кельд снова уселся на корточки. Девушка-змеерод даже не вздрогнула и не издала ни звука. Тогда мучитель положил инструмент себе на колени и, соединив свои огромные ладони, стал демонстрировать, как работает инструмент: как металлические пластины сжимаются и отталкивают что-то сопротивляющееся, как затем снова раздвигаются и встают на место.

Лицо девушки-змеерода по-прежнему ничего не выражало.

Тот, кто призывает зиму, на мгновение замер. Похоже, девчонка – крепкий орешек, думал он, и это доставляло ему удовольствие. Он отстранился и собрался было положить раздвигатель рёбер на место, когда над ним пролетела тёмная тень.

Кельд застыл в нерешительности. Тень промелькнула снова, на этот раз он поднял глаза – и они распахнулись от удивления; кривая улыбка исчезла с его тонких губ.

Глава десятая

С яростным рыком белозмей сорвался с бледно-серого неба, бросился на кельда и вцепился когтями ему в плечи, разодрав белую кожу плаща с капюшоном.

Кельд отбился руками, а белозмей, взмахнув мощными крыльями, взмыл в небо и сделал резкий разворот.

Кельд отбросил раздвигатель рёбер и снял с пояса широкий разделочный нож. Он поднял руки, одной защищая глаза, другой размахивая ножом. Вихрем взметнув снежную пыль, белозмей спустился и сел на склоне горы неподалёку. Из его ноздрей поднялись две струйки дыма.

Высоко над головой небо хмурилось и сгущалось. Стоял трескучий мороз, но ветра не было.

Белозмей склонил голову и стал внимательно рассматривать пленников кельда, распластанных на снегу. Два змеелова, один змеерод. *Его* змеерод. По крайней мере, она была жива. Взгляд белозмея снова сосредоточился на огромной фигуре кельда с ножом в руке, стоявшего над девушкой. Змей выгнул гибкую шею, мышцы под белой чешуёй напряглись; он готовился испепелить врага.

Тот, кто призывает зиму, вскочил на девушку-змеерода, обхватил ногами её тело и склонился над ней. Приставил нож к её горлу. Кельд был в бешенстве: змей девушки мешал ему завершить начатое. Сжимая рукоять разделочного ножа, он поднял взгляд на белозмея.

По виду это была взрослая особь. Кельд рассмотрел жемчужно-белую чешую, покрывавшую мускулистое тело, широкие кожистые крылья, поднятые и застывшие неподвижно, и усики, дрожавшие по краям его огнедышащего рта. Сложно будет одолеть такого змея, тем более разделочным ножом; понадобится что-то посерьёзнее. Тот, кто призывает зиму, чувствовал, как дёргается и извивается под ним девушка-змеерод. Он понимал: змей пришёл именно за ней, и он не станет дышать огнём, пока они так близко друг от друга. Кельду нужны были его инструменты. Он взглянул на разложенные на снегу орудия, до которых сейчас было не дотянуться. Болас, два свинцовых груза, скреплённых кожаной верёвкой, – вот что ему пригодилось бы. И зажим для челюстей. Молоток, пробивающий черепа, тоже был бы очень кстати, если бы только его можно было достать…

Из глубины горла змея раздался звук, похожий на мягкий шелест ветра в терновых кустах. Шея выгнулась вниз, янтарные глаза не отрываясь смотрели в лицо девушки-змеерода.

– *Фр-р-р… А-а-ак… И-й-я-а-а-а…*

Тот, кто призывает зиму, бросился к разложенным в линию инструментам.

Белозмей поднялся на задние лапы и с грохочущим рёвом выпустил поток белого пламени, пронзивший дрожащий воздух, будто сверкающее копьё.

Тот, кто призывает зиму, поднял руку и, как смог, прикрылся плащом. В воздухе едко запахло горелой змеекожей. Кельд схватил болас и зажим для челюстей, потянулся к молотку, ожидая следующей огненной атаки, – но белозмей спрыгнул на все четыре лапы и, опустив шею и подняв хвост, поспешил к девушке-змееродy, взрывая когтями снег.

Склонившись над девушкой, он перерезал когтями верёвки, связывавшие ей руки, затем сорвал оковы с лодыжек.

Девушка-змеерод села и выдернула кляп изо рта.

– *Асиль,* – она потёрла запястья, затем вскочила на онемевшие ноги и вздрогнула, когда они стали оживать, – *Асиль, ты вернулся…*

Внезапно раздался свистящий звук; в их сторону летели два свинцовых груза, связанные длинной кожаной верёвкой. Она обвилась вокруг трёх ног белозмея, а когда он заметался,

чтобы высвободиться, – и вокруг четвёртой, связав их все вместе и повалив существо на землю. Тот, кто призывает зиму, бросился к белозмею и мигом забрался ему на спину.

Фракия вскрикнула, бросилась на нападавшего, но тот с силой отбросил её, и она рухнула на снег.

Асиль резко поднялся, взмахнув крыльями и выгнув спину. Он качнул своим мощным хвостом из стороны в сторону, занёс его и обрушил на кельда, цеплявшегося за его плечи.

Того, кто призывает зиму, отбросило в сторону, но он быстро поднялся. Только выронил из рук разделочный нож.

С гневным рыком Асиль перевернулся на спину. Он услышал, как что-то треснуло, раздался крик; он подумал, что, наверно, сломал своему противнику ногу или позвоночник; но тут кельд снова оказался рядом с ним, сжимая что-то в руках. Асиль выгнул шею, раскрыл пасть – но на неё тут же упала кожаная петля; кельд повернул костяной штырь, петля затянулась и крепко сжала челюсти змея.

– Асиль! Асиль! – кричала Фракия.

Белозмей, стреноженный и со связанной пастью, извивался на снегу. Кельд отскочил назад; в его руке сверкал металлический молот.

Фракия повернулась и помчалась вниз по заснеженному склону к камням-близнецам у подножия скалы.

Тот, кто призывает зиму, запрыгнул Асилю на шею, уворачиваясь от взмахов сокрушающего хвоста. Белозмей под ним бился и метался, глаза его закатились. Из ноздрей на стянутой морде сочился дым. Кельд замахнулся молотом, но потерял равновесие, когда Асиль опустил шею и согнул крылья, и удар обрушился на утоптанный снег; в воздух взвились осколки льда. Асиль запрокинул голову, но тот, кто призывает зиму, крепко уцепился за его шею руками и ногами. Медленно, схватившись за гребень на шее белозмея, он стал продвигаться вперёд, намереваясь нанести точный удар.

Асиль извивался, хлопал крыльями и размахивал хвостом, но никак не мог сбросить с себя кельда, который неумолимо придвигался всё ближе к его голове. Краем глаза он видел, как кельд занёс молот…

Сейчас он разобьёт голову этому существу; он вышибет ему мозги. Наказ повелительницы кельдов эхом звучал в голове убийцы. *Найди их.* Он нашёл. *Вымани их из убежища.* И он выманил. Теперь ему оставалось только убить их, медленно, и ничто ему не помешает.

Он сильнее сжал ручку тяжёлого молота и…

Жгучая боль пронзила его бедро. С истошным воплем тот, кто призывает зиму, свалился с шеи белозмея и покатился вниз по склону, взбивая клубы снега. Остановившись, он с трудом встал и поднял голову. Девушка-змеерод стояла прямо и неподвижно, глядя на него; в руке она сжимала копьё из чёрной сосны.

Не спуская глаз с кельда, Фракия сняла кожаную петлю с морды Асиля и отбросила её в сторону.

Тот, кто призывает зиму, хромая, поднимался по склону, сжимая молот в огромных руках и оставляя на снегу кровавые следы. Белозмей всё ещё был связан. Он выбьет из рук девчонки копьё и всадит ей в голову. А затем разберётся с её змеем.

Когда кельд приблизился, Фракия сжала челюсти и задержала дыхание. Асиль повернул голову и раскрыл пасть. С рёвом он выпустил мощную струю раскалённого пламени на склон горы, где на высоком выступе пухлой подушкой лежал толстый слой снега.

Снег зашипел, повалил пар, потекли тонкие струйки воды. Асиль продолжал изрыгать пламя. Раздался резкий треск, потом низкий нарастающий грохот, и вдруг вся гора снега пришла в движение.

Кельд поднял голову и на мгновение застыл, увидев несущуюся на него снежную глыбу. Он оступился, повалился на спину и скрылся под накрывшей его лавиной. Из белой массы на

секунду показались нога, потом рука – а затем обе конечности исчезли в снежной массе; она с шумом понеслась по склону горы, унося с собой того, кто призывает зиму.

Глава одиннадцатая

Мика, повернув голову, смотрел на Фракию, стоявшую на утоптанном снегу. Взгляд девушки-змеерода был устремлён вниз, на склон, где лавина растворилась в синеватой глубине ущелья; её громкий рёв теперь слышался как отдалённое грохотание.

Воткнув родокопьё в снег, Фракия нагнулась за своей душекожей. Мика смотрел, как она ступила в блёклый молочно-белый костюм из сброшенной шкуры змея сначала одной ногой, затем другой. Она натянула костюм на плечи, быстрыми грациозными движениями засунула руки в рукава и только после этого повернулась туда, где лежали Мика и Илай, связанные, прикованные к снегу и с кляпами во рту. Она присела на корточки и развязала кожаные ремни на запястьях и лодыжках Мики, затем осторожно вытащила кляп у него изо рта.

– Фракия, – выдохнул Мика, сел и протянул к ней руки. – Фракия, я…

Но девушка-змеерод отвернулась. По окровавленному снегу она проследовала к Илаю, отвязала его, затем собрала одежду скалолаза и отдала ему. Илай взял свои вещи, взглянул в глаза девушке и мрачно кивнул.

Мика попытался встать, но его руки и стопы окоченели от холода, ноги будто одеревенели и совсем не слушались. Стоя на коленях, он дрожал, как в лихорадке. Фракия подняла со снега его фланелевую нижнюю рубаху и осторожно набросила ему на плечи; Мика почувствовал её тёплое, сладкое дыхание возле своего уха.

– Прости меня, Мика, – прошептала она.

Она выпрямилась в полный рост и направилась туда, где лежал связанный Асиль. Душекожа свободно свисала с одного её плеча, испачканная сажей и забрызганная кровью, немного мешковатая для её исхудалого тела. Когда девушка-змеерод освободила лапы белозмея, развязав кожаную верёвку, Асиль испустил долгий жалобный стон и поднялся.

Фракия отбросила болас в сторону и взяла своё родокопьё. Асиль изогнул шею и приблизил голову к своему змееродy. Его ноздри раздувались.

Она вся пропиталась духом змееловов, запахом того, с кем лежала тогда; и всё же…

Жёлтые глаза Асиля вглядывались в лицо Фракии. Её губы приоткрылись, и из горла поднялся мягкий шум, похожий на шелест сухих листьев на ветру.

Этот змеелов помогал ей, защищал её, как мог; любил её всем сердцем, и всё же…

Челюсти Асиля разжались, и раздались лёгкие щелчки, похожие на треск веток; из ноздрей поползли струйки дыма.

Когда он нашёл её там, у озера, спящей в объятиях змеелова, он решил, что Фракия потеряна для него; что она снова пойдёт дорогой змеелова. Он пытался забыть её, но её запах, хоть и потеснённый духом змеелова, никогда не покидал его; именно этот запах, несмотря ни на что, и привёл его к ней сюда, на этот заснеженный склон.

Она была потеряна для него; и всё же…

Белозмей раскрыл пасть и выдохнул, выпустив густое облако белого дыма. Мика чувствовал его жар, вдыхал его сладкий аромат. У него на глазах Фракию окутывало дымом, он становился всё плотнее и плотнее, пока совсем не поглотил её. Затем Асиль отстранился, и, когда дым немного рассеялся, Мика снова увидел Фракию.

Душекожа опять стала белой и блестящей; она снова плотно прилегала к телу девушки. Волосы больше не были непослушными и всклокоченными: прямые и блестящие, они вновь обрели свой пепельно-золотой блеск. А её тёмные глаза…

Мика смотрел в них, не отрываясь. Вернулась та сила, которая с самого начала влекла его к ней, та дикость, которая волновала и пугала.

– Фракия?.. – неуверенно произнёс он. – Фракия?

Белозмей отвернулся и смотрел в небо, где собирались тёмные тучи с жёлтым отливом.

Фракия сжала своё родокопьё и через плечо бросила взгляд на Мику. Какое красивое у неё было лицо – бледное, но при этом сияющее; солнечный свет блестел на её мягких губах, на высоких скулах, в струящихся волосах. В уголке тёмного глаза сверкнула слеза; она скатилась по щеке уже ничего не выражающего лица.

Асиль качнул головой вверх и вниз. Фракия, повернувшись к змею, ухватилась за край крыла и запрыгнула к нему на плечи. Она обвила его шею ногами и откинулась назад, удобно устроившись между ключицами белозмея.

Асиль поднял свои великолепные крылья и начал взмахивать ими, взметая непримятый снег; с тихим урчанием он оттолкнулся задними лапами и взмыл в воздух. Девушка-змеерод обернулась и бросила взгляд на змеелова в потрёпанной нижней рубахе, стоявшего на коленях в поднятом Асилем снежном вихре. Медленно, уверенно она протянула руку и набросила капюшон из душекожи на голову; тень от него скрыла её лицо.

Белозмей и его наездница поднимались в зимнее небо, удары крыльев становились всё чаще. Затем, широко расправив крылья, змей поймал поток поднимающегося воздуха и взмыл над туманными вершинами гор.

Вскоре змей и змеерод на фоне тёмных облаков виднелись лишь белым пятнышком, которое всё уменьшалось и бледнело, а потом и вовсе исчезло.

Мика оставался неподвижен; его взгляд был прикован к тому месту, где они растворились в темнеющем небе.

– Лучше оденься, парень.

Мика уставился на скалолаза невидящим взглядом.

Илай стоял над ним, прижимая к груди одежду и сапоги юноши. Он положил их на снег, взял руку Мики и просунул её в рукав рубахи, затем принялся за другую. Илай присел на корточки и стал застёгивать пуговицы, точь-в-точь как отец, одевающий маленького сынишку.

Мика передёрнул плечами и опустил голову.

– Я могу сам, – сказал он, отталкивая руки Илая и поднимаясь на ноги.

Он застегнул толстую нижнюю рубаху до воротника, и от тёплого прикосновения мягкой материи почувствовал, насколько он замёрз. Затем надел штаны, носки, ботинки и жилет и начал оглядываться в поисках своей плотной кожаной куртки, но, видимо, она осталась в укрытии. Подняв глаза, Мика увидел Илая, стоявшего у входа.

За ледяным туннелем виднелись чёрные от копоти стены; укрытие было наполнено дымом. Скалолаз покачал головой.

– Граната со змеемаслом, – сказал он. – Кельд спалил нас дотла. Там нечего спасать, Мика. Одежда. Припасы. Инструменты. Всё пропало. И само укрытие – в нём больше не найти защиты…

Мика тупо кивал, едва понимая смысл слов: в глазах стоял образ Фракии в блестящей душекоже. Высоко в небе солнце едва проглядывало сквозь желтовато-серые тучи.

– Что нам теперь делать? – спросил Мика ровным голосом без тени надежды.

Ясные голубые глаза Илая сосредоточенно глядели на Мику.

– Мы найдём себе новое место, сынок, – просто сказал он. – Или погибнем.

Глава двенадцатая

Сильный мускусный запах пронизывал воздух. Казалось, он пропитал даже мягкий жёлто-серый камень рифлёных колонн и исцарапанных когтями стен в заброшенных галереях. Насыщенный, островатый, кисло-сладкий – это был запах белозмеев, когда-то населявших эти галереи.

Именно он и привел их сюда.

Аза первым его учуял; запах своих сородичей – слабый, но явственный, принесённый колючим зимним ветром. И Хепцибар, его змеерод, прильнув всем телом к спине Азы, чтобы согреться, почувствовала его волнение. Они кружили в вышине, порывы ветра со снегом трепали крылья Азы. Затем, выгнув спину, напрягая шею и руля хвостом, Аза нырнул вниз.

Однако, когда они приземлились и огляделись, вокруг не оказалось ни одного белозмея.

И всё же они остались там, юный белозмей с жемчужно-белой кожей и восьмилетняя девочка, с которой он породнился. Они с благодарностью заняли это убежище.

Середина зимы близилась к концу, когда они сбежали из отвратительной подземной кухни Редмирты, ведьмы-кельда. Сидя на привязи в этом ужасном месте, Хепцибар была напугана и одинока, пока рядом не появился Аза, молодой змеёныш. Он обвился вокруг неё своим белым телом, тихо посапывая в темноте, и от этого девочке стало спокойнее. Потом отец пришёл спасти её, вместе с остальными. Там были мальчик, мужчина, а ещё девушка-змеерод, Фракия. Они освободили Хеппи и убили Редмирту. Но старая ведьма успела всадить топор в грудь её отца. Он умер на руках у Хепцибар.

Позже Фракия отвела их в сторонку. Она объяснила им тайны родства. И когда Аза сбросил первую кожу, Фракия помогла Хепцибар её надеть. И Аза дышал на неё, обдавая тёплыми струями дыма, пока шкура змея не окутала её тело, защищая, как вторая кожа.

Душекожа.

– Аза позаботится о тебе по законам родства, – говорила Фракия, когда они стояли на заснеженном каменном уступе возле логова Редмирты. – Вы встретите и других, они обучат вас. Но прежде всего вам следует научиться самим заботиться о себе.

И она отпустила их в чарующую необъятность Змеиной пустоши.

Первые морозные ночи они провели вместе на подветренной стороне скал, которые обрамляли высокие озёра; Аза обвивал Хепцибар своим телом, согревая и оберегая. Но когда вода замёрзла и ловить рыбу стало невозможно, им пришлось продолжить путь.

Они останавливались на высоких пиках в тепле горячих расщелин, но еды там было не найти, и они отправлялись дальше. Рылись в заброшенных гнёздах краснокрылов на высоких равнинах и выкапывали личинок стрекоз в замёрзших речных ложбинах. Но сугробы становились всё выше, и добывать пищу было всё труднее и труднее; к тому времени, когда ветер наконец донёс до них запах великих белозмеев, и Аза, и его змеерод были совсем истощены и голодны.

Хепцибар оторвала взгляд от потрескивающего в огне терновника и подняла голову. Аза обвился вокруг одной из колонн, его лапы, хвост и извилистая шея обнимали грубый камень, и девочка заметила, что очертания его тела идеально подходили рельефу колонны. Аза потёрся об неё, двигаясь вверх-вниз с мягким настойчивым звуком, втирая в рифлёную колонну свой солоновато-мускусный аромат, как это делали многие поколения белозмеев.

Где они теперь, думала Хепцибар, белозмеи, населявшие когда-то это место?

Здесь было дерево для растопки – под укрытием утёса бурно разрослись терновник и другие кустарники; воды от растаявшего снега тоже было вдоволь. Бродя по лабиринтам древних пещер, они находили высокие углубления с насыпями, пылевыми ваннами и уступами, устланными, как гнёзда. Аза и Хепцибар выбрали пещеру в центре змеиной галереи, тёплую,

тихую и безопасную. Лишь жуткий плач ветра напоминал, что за пределами галереи пустошь всё ещё страдала в муках настоящей зимы.

Продвинувшись вглубь, девочка и змей нашли холодные пещеры с низкими потолками: глубоко в их стенах были выцарапаны продолговатые углубления. Они скрывали целые кучи высушенных на огне личинок и икринок, а в ямах с соляным раствором, вырытых в полу пещеры, хранились личинки стрекоз и сладкие корнеплоды. Еды здесь хватило бы, чтобы прокормить тысячу змеев в долгие месяцы обледенения и голода.

И всё же змеи покинули это жилище.

Хепцибар посмотрела вниз и перевернула личинки стрекоз, которые, дымясь, шипели в огне, заглушая, перебивая своей острой сладостью ароматный змеиный мускус в каменной комнате. Аза удобно устроился вокруг колонны и замер; теперь он глядел на девочку, шевеля ноздрями. Его глаза расширились, усики задрожали; он раскрыл пасть и издал убаюкивающий звук, который тихонько клокотал в глубине его горла и с шипением вырывался из-за зубов, словно ветер, вздыхающий в высокой траве.

Хепцибар кивнула. Она приоткрыла рот и тихо выдохнула слова, двигая кончиком языка:

– Обед готов.

Аза с благодарностью замурлыкал, размотался от рифлёной колонны и приблизился к огню, сонно волоча крылья. Хепцибар сняла с огня две шпажки с насаженными на них личинками и протянула одну Азе – тот взял её когтями и принялся осторожно покусывать шипящие личинки. Затем выдохнул и сбросил подгоревшую шелуху.

– Вкусно. – Из чешуйчатой пасти на секунду показался чёрный язык, который слизнул маслянистый сок с губ; Аза издал воркующий звук, и Хепцибар заметила, как повеселели его глаза. – Намного лучше, чем объедки из гнезда краснокрылов.

Хепцибар улыбнулась и надкусила поджаренную личинку. Та оказалась сочной, с ореховым привкусом, хоть и немного солоноватой от рассола.

– Ещё? – спросила она, заметив, что Аза съел все личинки со шпажки.

– Да, Хеп, ещё, – ответил белозмей; его яркие жёлтые глаза загорелись.

Хепцибар сняла с огня ещё одну шпажку и протянула Азе. Взяла и себе порцию.

– Аза, – девочка нахмурилась, – с нами всё будет хорошо, правда ведь?

Произнеся это, она заметила, как Аза вздрогнул: значит, он тоже не уверен в этом. Хепцибар отложила шпажку в сторону, поднялась на ноги и направилась к белозмею. Обняв его за шею, она тихо прошептала ему на ухо:

– У меня есть ты.

Аза склонил голову.

– У тебя есть я. И у меня есть ты…

– Мы есть друг у друга.

Аза замурлыкал, и Хепцибар улыбнулась, крепче обняв его. Простые слова подействовали, как и всегда, когда она чувствовала страх или неуверенность, – когда замёрзли озёра, когда на высоких пиках голод сводил их обоих с ума, когда зимние ветра преследовали и гнали их по набухшим снегом небесам…

Она выпустила Азу из объятий и присела на корточки, собираясь закинуть в огонь пропитанные жиром личинок шпажки, когда услышала у себя за спиной странный шум.

Она обернулась и увидела бледного мальчишку с красными волосами, прислонившегося к столбу чуть поодаль. С первого взгляда она определила, что он старше её; и, хоть его кости и выпирали из-под белой обтягивавшей его душекожи, мальчишка смотрелся выше и сильнее, чем она. В руке он держал чёрное копьё, направленное на Хепцибар, и когда заговорил, голос его прозвучал как гортанное рычание из глубины горла.

– Откуда вы взялись?

Глава тринадцатая

– Говорю, разве я не прав, Мика?

– Д-д… да, – неуверенно отозвался Мика, почесав за ухом. – А что? Я…

– Мика! – прикрикнул на него Илай, взяв за плечи и придвинувшись к нему лицом к лицу. – Тебе надо из этого выбираться.

Мика попробовал было отстраниться, но скалолаз держал его крепко. Его большие пальцы впились Мике в плечи.

– Ты змеелов, парень. Фракия – змеерод. Это ясно? Считай, тебе её только одолжили на время, а теперь Асиль вернулся и забрал своё. Вот и всё. Всё кончено. Она вернулась туда, где ей место, и если ты испытываешь к ней настоящие чувства, то должен радоваться за неё…

– *Если!* Илай, как вы можете в этом сомневаться?!

Скалолаз ослабил хватку и пристально посмотрел Мике в глаза.

– Тогда отпусти её, Мика, – прозвучал голос Илая уже мягче. – С благодарностью. Жизнь в зимнем укрытии была вообще не жизнью для Фракии. Ты и сам это видел.

Мика, склонив голову, изучал свои ботинки. Лицо у него пылало, кожа зудела.

– Теперь, – продолжал Илай, – под защитой своего белозмея Фракия будет в полном порядке. А вот мы нет, Мика. Совсем не в порядке. Если мы хотим дожить до оттепели, тебе придётся за уши вытянуть себя из этого уныния. Я не могу тащить тебя мёртвым грузом – не сейчас, когда нам предстоит такой путь. Как только мы выдвинемся, нам нельзя будет останавливаться – иначе мы погибнем. А я вовсе не собираюсь умирать… – Он замолчал; его бледно-голубые глаза сверлили Мику. – Ты понял, что я говорю?

Мика кивнул. Ещё несколько мгновений Илай смотрел на него, затем кивком указал на рюкзак кельда.

– Как я уже сказал, мы потеряли свои припасы. Но, по крайней мере, мы не пойдём совсем уж с пустыми руками.

Мика уставился на полупустой рюкзак, валявшийся между ними. Снег уже припорошил складки на змеиной коже. Мика поморщился.

– Сейчас не время брезговать, парень. Ему это всё уже без надобности.

Мика, присев, следил за тем, как Илай шарит рукой в рюкзаке кельда.

– Это пригодится. – Скалолаз выложил моток верёвки. – И это. Каменные шипы всегда нужны. И… – Тут он замер.

Мика уставился на рогатку, которую скалолаз сжимал в мозолистой руке, – рогатку, над которой он корпел столько долгих часов, вырезая её из кости-вилочки. Илай положил её на снег рядом со всем остальным. Затем – закупоренный сосуд с огненным маслом. Медный котелок. Измятую подзорную трубу Илая и пару его лучших ножей, а за ними – нож Мики. Илай усмехнулся.

– Похоже, этот кельд покопался в наших вещах раньше, чем мы – в его.

Скалолаз извлёк что-то, завёрнутое в вощеную бумагу. Затем ещё один свёрток и ещё. Там было мясо. Илай с мрачиным лицом положил свёртки на снег. За ними последовали другие вещи кельда. Бутылка кровавого мёда. Ловушки и удавки. Скрученная шкура серозмея…

– Думаю, это всё, – сказал Илай, выпрямляясь и вытряхивая рюкзак.

Что-то выпало из него с тихим стуком; Мика и Илай уставились на овальный медальон на короткой серебряной цепочке, лежавший в пыли свежего снега. Илай поднял его и неловко щёлкнул по застёжке ногтем. Крышка медальона откинулась. Внутри лежала косичка, заплетённая из трёх прядей, срезанных с разных голов. Одна прядь была чёрной и прямой, другая – рыжей и вьющейся, а третья, тоненькая и светлая, точно принадлежала ребёнку.

Мика уставился на тонкую косичку. На равнинах была такая традиция: родители переплетали свои волосы с прядью волос ребёнка в его первый день рождения.

– Интересно, у какого бедолаги он это отобрал. – Илай закрыл крышку, перевернул медальон и всмотрелся в витиеватые буквы, вырезанные на обратной стороне. – Хирам. Аня. Дарий, – он пожал плечами и надел цепочку себе на шею, – кто знает, может, удастся обменять его на что-то стоящее. Теперь давай соберём всё это, парень. Нам предстоит идти до захода солнца.

Илай принялся собирать снаряжение и запасы для их путешествия, складывая их обратно в рюкзак кельда. У Мики урчало в животе, и он, не задумываясь, поднял и развернул один из свёртков. Взял кусок вяленого мяса и поднёс было ко рту, но тут рука Илая выбила его прямо у Мики из-под носа.

– Нет, – остановил его Илай. – Это кельдское мясо.

Слова повисли в воздухе, а скалолаз вернулся к своему делу. Мика посмотрел на свернувшийся кусок высушеной плоти, валявшийся возле него на снегу, и его рот скривился.

Кельдское мясо. Значит, человеческое мясо, нарезанное и высушенное.

У Мики свело живот; он не мог перестать гадать, от какой части жертвы кельдов был когда-то отрезан этот кусок. Спазм скрутил его тело, затем ещё один, и к основанию языка подступила горькая желчь. Он с силой погрузил руки в снег и потёр их друг об друга, затем вытер ими губы, подумал о том, что чуть не сделал, и снова прикрыл себе рот…

– Готов?

Илай стоял над ним с рюкзаком кельда на плечах. Он помог Мике встать и протянул ему змеиную шкуру. Скалолаз проделал в центре дыру, и получилось что-то вроде плаща.

– Грубовато, но, думаю, она тебя согреет, – сказал Илай.

Мика надел плащ через голову и перехватил на талии ремнём. И вот оба направились вверх по склону горы.

Несмотря на тяжёлую ношу, Илай очень скоро обогнал его; походка скалолаза была лёгкой и быстрой, и Мика старался идти так же. Ему очень пригодился бы посох, но тот, как и посох Илая, и многое другое, сгорел дотла в зимнем укрытии.

Когда они достигли первого из гребней, которые им предстояло пересечь, Мика оглянулся. Инструменты для потрошения, которые они оставили разложенными в ряд, почти скрылись под выпавшим снегом. Возле них лежали свёртки с мясом, теперь уже открытые: пять или шесть маленьких бородатых каменозмеев набросились на добычу и шумно расталкивали друг друга, пожирая её.

У Мики свело живот. Он никогда не станет есть такое мясо. Но всё же, глядя на прожорливых змеев, он почувствовал, как его голод усилился, и поймал себя на том, – да простит его Создатель, – что завидует крошечным существам, которые не испытывают таких угрызений совести.

Глава четырнадцатая

Мальчишка оценивающе осматривал Хепцибар. Его глаза цвета тёмной смолы поблёскивали в свете огня. Сероватый оттенок его щёк сочетался с тёмными кругами под глазами. Когда он учуял запах жареных личинок, его ноздри раздулись.

– Отойдите от огня.

Хепцибар почувствовала, как рядом с ней ощетинился Аза. Он расправил крылья и выгнул шею; из его горла донёсся глухой рык.

– И почему же? – спросил он.

Из темноты позади мальчика выступила крупная самка великого белозмея, с полинялой от возраста чешуёй, покрытая шрамами – следами многих сражений, но всё ещё сильная и готовая снова броситься в схватку. Когда её челюсти медленно раздвинулись, из ноздрей начал сочиться дым. Блеснули клыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.